

4
Дата 05.01.2026
Подп.

Дальневосточный филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра юриспруденции

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Магистрант **Маргиев Алексей Викторович**

Тема: **Субсидиарная ответственность участников общества с ограниченной
ответственностью при банкротстве**

по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»

(уровень магистратуры)

направленность (профиль) «Предпринимательское, коммерческое право»

Научный руководитель:
канд. юрид. наук,
доцент кафедры юриспруденции
Барсукова Лина Ивановна

Дата защиты: 05 февраля 2026

Оценка: отлично

ПРОВЕРЕНО НА УРОВЕНЬ ОРИГИНАЛЬНОСТИ Кафедра <u>юриспруденция</u> Научный руководитель <u>Барсукова Л.И.</u> (подпись) « <u>05</u> » <u>02</u> 20 <u>26</u> г.

г. Петропавловск-Камчатский

2026 г.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА1. Общая характеристика субсидиарной ответственности участников ООО при банкротстве	7
1.1. Правовая природа субсидиарной ответственности при банкротстве	7
1.2. Развитие института субсидиарной ответственности в российском законодательстве	15
ГЛАВА2. Процедура банкротства общества с ограниченной ответственностью и способы привлечение к субсидиарной ответственности участников	24
2.1. Понятие, основание и цели процедур банкротства обществ с ограниченной ответственностью	24
2.2. Способы привлечения участников общества с ограниченной ответственности к субсидиарной ответственности	43
ГЛАВА3. Способы защиты руководителя должника от привлечения к субсидиарной ответственности	58
3.1. Защита участников ООО от привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве	58
3.2. Проблема привлечения к субсидиарной ответственности участников ООО при исполнении судебного акта при банкротстве	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	98
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	105
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена возрастанием значимости института субсидиарной ответственности участников общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) в условиях современного законодательства Российской Федерации. Проблема субсидиарной ответственности приобрела особую актуальность в свете значительных изменений в российской судебной и экономической практике, связанных с банкротством корпоративных должников.

По данным статистики Федресурса, абсолютное число корпоративных банкротств в России по итогам 2024 года составило 8 570 случаев. Это меньше, чем в предыдущие годы, за исключением 2023-го, когда действовал мораторий на данную процедуру. Количество наблюдательных процедур в 2024 году – 6 212 случаев, что на 17,5% меньше, чем в 2023 году. Количество намерений кредиторов обратиться в суд с заявлениями о банкротстве компаний упало на 25% по сравнению с предыдущим годом – до 23 268. Доля процедур, где ФНС выступает в качестве инициатора процедуры банкротства, увеличилась с 14,3% в 2023 году до 24,3% в 2024-м. Доля процедур, где сам должник инициирует собственное банкротство, увеличилась с 8,4% в 2023 году до 9,5% в 2024-м. Доля кредиторов-инициаторов сократилась с 76,9% до 66,1% за аналогичный период¹. Проблема требует комплексного подхода, как с теоретической, так и с практической точек зрения, что объясняет необходимость её глубокого исследования.

Степень изученности темы свидетельствует о высоком интересе к проблематике субсидиарной ответственности в научной литературе. Среди авторов, внёсших существенный вклад в разработку данной темы, можно выделить следующих: Е.А. Суханов, Т.В. Кашанина, Д.В. Васильев, В.Ф. Попондопуло, А.Ю. Кабанов, И.В. Ершова, К.А. Пименов, А.А. Маковская. Вместе с тем, несмотря на наличие теоретических разработок, остаётся

¹Банкротства в России: 4 кв. 2024 и 2024 год // Федресурс: сайт. URL: <https://fedresurs.ru/news/4353186e-a965-450c-9acf-8efd86cf6e39>(дата обращения: 01.12.2025).

актуальной потребность в комплексном исследовании условий, оснований и механизмов привлечения к субсидиарной ответственности участников ООО именно в контексте дел о банкротстве.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе банкротства общества с ограниченной ответственностью, а также последствия несоответствия действиям должностных лиц и участников ООО при осуществлении финансовых операций и исполнении обязательств перед кредиторами.

Предметом исследования выступают нормы законодательства, устанавливающие и регулирующие основания, условия, порядок и пределы привлечения участников общества с ограниченной ответственностью и иных контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве, а также практика их применения арбитражными судами Российской Федерации.

Целью исследования является анализ и систематизация существующих правовых норм, касающихся субсидиарной ответственности в России, а также выявление проблем, существующих в применении этих норм на практике, и разработка предложений по их совершенствованию.

Задачи исследования включают:

- анализ правовой природы субсидиарной ответственности при банкротстве;
- исследование развития института субсидиарной ответственности в российском законодательстве;
- изучение процедуры банкротства общества с ограниченной ответственностью;
- оценка способов привлечения участников общества с ограниченной ответственностью к субсидиарной ответственности;
- анализ способов защиты участников ООО от привлечения к субсидиарной ответственности;
- анализ проблем привлечения к субсидиарной ответственности

участников ООО при исполнении судебного акта;

– сформировать предложения по совершенствованию отдельных положений Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", регулирующих вопросы применения субсидиарной ответственности при банкротстве.

Теоретико-методологические основания исследования включают использование системного подхода к правовому регулированию, а также методологии правового анализа, которая позволит выявить основные пробелы и противоречия в действующем законодательстве. Методологическая основа работы также включает сравнительный анализ российского законодательства с международными стандартами в сфере корпоративного банкротства.

Источниками научного исследования послужат федеральные законы, нормативно-правовые акты, постановления Верховного Суда, а также научные статьи, монографии и публикации, посвященные вопросам субсидиарной ответственности и банкротства. Практическим материалом станут судебные решения и примеры из судебной практики, связанные с привлечением участников ООО к субсидиарной ответственности.

Исследование будет ограничено анализом законодательных изменений в России за последние пять лет, что позволит учесть последние поправки и изменения в праве и судебной практике.

Научная новизна настоящего исследования заключается в детальном анализе правовых механизмов субсидиарной ответственности участников ООО при банкротстве с фокусом на российскую судебную практику, а также в предложении возможных направлений совершенствования законодательства в данной области. До настоящего времени в научной литературе существовали лишь отдельные подходы и исследования, посвящённые этим вопросам, однако комплексного анализа с учётом современных изменений в правовой системе России, а также практики применения норм о субсидиарной ответственности в рамках банкротства до сих пор не было выполнено в полном объёме.

Практическая значимость исследования заключается в разработке

рекомендаций по улучшению нормативно-правового регулирования института субсидиарной ответственности, что обеспечит более эффективное применение правовых норм и повысит степень защиты интересов кредиторов при банкротстве ООО. Результаты исследования могут быть использованы на практике органами, осуществляющими контроль и надзор в сфере корпоративного законодательства, а также юристами, специализирующимися на банкротстве и корпоративных спорах.

Апробацию составляют напечатанные статьи: «Преимущества общества с ограниченной ответственностью как формы хозяйствующего субъекта в условиях действия западных санкций», «Особенности привлечения к субсидиарной ответственности учредителя (участника) ООО являющегося контролирующим лицом должника».

Структура выпускной квалификационной работы соответствует поставленным задачам исследования и включает три главы, каждая из которых освещает ключевые аспекты темы. В первой главе рассматриваются правовая природа субсидиарной ответственности при банкротстве и развитие института субсидиарной ответственности в российском законодательстве. Во второй главе подробно анализируются понятие, основания и цели процедуры банкротства общества с ограниченной ответственностью, а также способы привлечения участников этого общества к субсидиарной ответственности. Третья глава посвящена способам защиты участников ООО от привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве, а также проблемам, возникающим при привлечении участников к ответственности при исполнении судебного акта.

В исследовании представлены предложения, направленные на решение выявленных проблем в процессе привлечения участников ООО к субсидиарной ответственности. Эти инициативы основаны на анализе правовых пробелов и недочетов, выявленных в ходе исследования.

Каждая глава включает соответствующие параграфы, которые детализируют исследуемые вопросы и способствуют достижению целей настоящей выпускной квалификационной работы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

1.1 Правовая природа субсидиарной ответственности при банкротстве

Субсидиарная ответственность в контексте банкротства представляет собой особый правовой механизм, позволяющий взыскать долги несостоятельной компании с иных лиц, главным образом с ее участников или иных контролирующих должника лиц, когда самого должника уже недостаточно для удовлетворения требований кредиторов. Иными словами, это дополнительная (акцессорная) ответственность, возлагаемая сверх ответственности основного должника, с целью защитить интересы кредиторов в случае, если имущество должника не покрывает всех его долгов¹. В российском гражданском праве закреплено, что такая ответственность носит вспомогательный характер по отношению к основной ответственности должника и наступает только при недостаточности имущества последнего. Именно эта компенсаторная направленность – восполнение ущерба за счет третьих лиц при банкротстве должника – составляет сущностную черту субсидиарной ответственности.

Основной вопрос правовой природы субсидиарной ответственности при банкротстве – это вопрос о том, к какому виду юридической ответственности ее относить и каково ее место в системе гражданско-правовых обязательств. В отечественной доктрине нет полного единства мнений по данному поводу. Преобладающая позиция заключается в том, что ответственность контролирующих лиц должника носит деликтный характер, то есть возникает вследствие виновного причинения вреда кредиторам.

Так, Верховный Суд РФ в ряде актов прямо указал на внедоговорную

¹Царик Д.А. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // Молодой ученый. 2023. № 6(453). С. 201.

природу этой ответственности. В частности, в Определении ВС РФ от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013 было отмечено, что субсидиарная ответственность руководителя по долгам возглавляемой им организации возникает именно вследствие причинения вреда кредиторам (фактически – из гражданского правонарушения)¹. Впоследствии данная точка зрения получила закрепление в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53², где разъяснено, что при привлечении контролирующих лиц к ответственности по долгам должника суды должны применять общие положения главы 25 ГК РФ (ответственность за нарушение обязательств) и главы 59 ГК РФ (обязательства вследствие причинения вреда) постольку, поскольку специальные нормы ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не устанавливают иного. Таким образом, высшая судебная инстанция фактически квалифицировала субсидиарную ответственность в банкротстве как разновидность гражданско-правовой ответственности за правонарушение, близкую по природе к деликту (гражданскому правонарушению).

Подобной позиции придерживаются и многие исследователи. Ряд цивилистов подчёркивает, что субсидиарная ответственность участников (или иных контролирующих лиц) возникает при неправомерном поведении, повлекшем банкротство или ущерб кредиторам, и служит формой возмещения вреда. Так, Е.А. Суханов указывает, что в случаях, когда участник общества своими действиями (или бездействием) злоупотребляет принципом ограниченной ответственности и наносит вред кредиторам, ответственность такого участника перед кредиторами носит характер дополнительной санкции, призванной восполнить недостаток имущества должника³. Автор относит случаи ответственности участников по долгам юридического лица к особым

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2015 г. по делу № А21-337/2013 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/vsrf/doc/gFdpXq9Iyzp/](https://sudact.ru/vsrf/doc/gFdpXq9Iyzp/) (дата обращения: 01.12.2025).

² О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: [//sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/](https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/) (дата обращения: 01.12.2025).

³ Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013-2017 гг. М., 2018. С. 18.

видам субсидиарной ответственности, обусловленным законом («статутная» ответственность), отличая их от договорных и деликтных ситуаций классического типа. Другими словами, хотя ответственность участника в банкротстве формально вытекает из факта причинения вреда (деликта), она спецификообусловлена самим статусом контролирующего лица и нарушением корпоративных обязанностей.

Сходной точки зрения придерживается Т.В. Кашанина, отмечавшая, что институт субсидиарной ответственности – это законодательное исключение из принципа ограниченной ответственности участников хозяйственных обществ, применяемое в тех ситуациях, когда поведение участников нарушает права кредиторов общества. По мнению автора, такая ответственность носит охранительный характер: ее цель – обеспечить имущественные интересы кредиторов при несостоятельности общества, вызванной недобросовестными действиями его участников или руководителей. Фактически ответственность участников приобретает характер гарантийного обязательства, дополнительно защищающего кредиторов на случай банкротства фирмы¹.

В то же время ряд специалистов полагает, что простого отнесения субсидиарной ответственности к деликтам недостаточно для понимания всех ее особенностей. Так, А.В. Егоров и К.А. Усачева, сравнивая данный институт с западной доктриной снятия корпоративного покрова, указывали, что законодатель вложил особый смысл в понятие «субсидиарная ответственность» контролирующих лиц при банкротстве. В частности, виновное лицо несёт ответственность перед должником, конкурсная масса которого пополняется за счёт взыскания, а не напрямую перед отдельным кредитором². Эта особенность отличает субсидиарную ответственность при банкротстве от классического деликта, где причинитель вреда отвечает непосредственно перед потерпевшим.

Таким образом, хотя формально основанием является причинение вреда,

¹Кашанина Т. В. Корпоративное право: учебник для вузов. М., 2025. С. 158.

²Егоров А. В. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 28.

правовая связь устанавливается между контролирующим лицом и должником (через конкурсную массу), что придаёт данной ответственности черты самостоятельного вида гражданско-правовой ответственности. Подобную точку зрения разделяют, Д. Ломакин и О. Гентовт, утверждая, что ответственность участников корпорации по обязательствам перед кредиторами носит иную – не деликтную – природу, представляя собой особый институт корпоративного права. Они обращают внимание на то, что субсидиарная ответственность в банкротстве выполняет не только компенсаторную, но и регулятивно-наказательную функцию в корпоративных отношениях, предотвращая злоупотребления со стороны контролирующих лиц¹.

Продолжая исследование доктринальных подходов, следует акцентировать внимание на позиции В.Ф. Попондопуло, который является ведущим специалистом по вопросам несостоятельности. Он подчёркивает, что эта мера призвана восстановить нарушенный баланс между интересами участников (которые обычно рискуют лишь своим вкладом) и интересами кредиторов. Таким образом, по мысли В.Ф. Попондопуло, субсидиарная ответственность служит своеобразным «выравнивателем» последствий злоупотребления учреждением общества с ограниченной ответственностью: если участники довели общество до банкротства или поспособствовали ему противоправными действиями, то принцип ограниченной ответственности перестаёт их защищать, и они отвечают своим личным имуществом по долгам общества².

Аналогично, Е.И. Кабанова отмечает, что потенциал субсидиарной ответственности в сфере банкротства состоит в стимулировании должной степени заботливости со стороны участников и менеджмента. Е.И. Кабанова указывает, что угроза личной имущественной ответственности заставляет контролирующих лиц действовать добросовестно и разумно, не допуская

¹ Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 16.

² Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 10.

преднамеренного или грубо неосторожного доведения компании до несостоятельности¹.

С этой точки зрения природа субсидиарной ответственности двуединая: с одной стороны, она компенсирует убытки кредиторов (деликтный элемент), с другой – дисциплинирует участников корпоративных отношений, выполняя превентивную функцию в корпоративном праве.

Таким образом, в доктрине сформировались две основные линии понимания природы данного института. Первая – деликтная (внедоговорная) природа: субсидиарная ответственность рассматривается как частный случай гражданско-правовой ответственности за причинение вреда (генерального деликта), но с особенностями применения в банкротстве. Вторая – смешанная или «*sui generis*» природа: ответственность участников в банкротстве выделяется в особый, самостоятельный вид ответственности, возникающий из нарушения как гражданско-правовых, так и корпоративных обязанностей. Несмотря на различие подходов в формулировках, обе линии сходятся в том, что субсидиарная ответственность – это исключительная мера, применяемая при наличии вины контролирующих лиц и фактической *insolvency* (несостоятельности) должника.

Эта исключительность подчёркивается и судебной практикой. Пленум Верховного Суда РФ № 53² прямо указал, что привлечение контролирующих лиц к ответственности при банкротстве является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. Суд указал на необходимость учета сущности конструкции юридического лица – его имущественной обособленности и самостоятельной ответственности (ст. 56 ГК РФ) – в совокупности с запретом злоупотреблять этой конструкцией во вред кредиторам. Иными словами, пока участники действуют добросовестно, их

¹Кабанова И. Е. Субсидиарная ответственность публичных собственников по долгам унитарных предприятий // Вестник ННГУ. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-publicnyh-sobstvennikov-po-dolgam-unitarnyh-predpriyatiy> (дата обращения: 01.12.2025).

²О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: http://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

риск ограничен вкладом в капитал общества, но если они злоупотребляют правосубъектностью общества (например, выводят активы, умышленно увеличивают долги, скрывают документы и пр.), то включается механизм субсидиарной ответственности как средство преодолеть корпоративный покров.

Актуальная судебная практика Верховного Суда продолжает развивать эти подходы. В частности, в Определении ВС РФ от 07.04.2022 № 305-ЭС21-25552 по делу о банкротстве ООО «Центр-Савек» Суд подчеркнул недопустимость использования института субсидиарной ответственности вне его прямого назначения – для разрешения внутренних корпоративных конфликтов (в том случае – спора о невыплаченных дивидендах). Верховный Суд разъяснил, что субсидиарная ответственность призвана защищать независимых кредиторов и не может служить инструментом давления в спорах между бывшими и новыми участниками общества¹. Данная позиция еще раз подтверждает, что природа субсидиарной ответственности – именно охрана интересов третьих лиц (кредиторов) при нарушении контролирующими лицами своих обязанностей, приведшем к банкротству. Суды также указывают, что привлечение к субсидиарной ответственности возможно только при наличии противоправного поведения контролирующих лиц, причинносвязанного с несостоятельностью, и применяется в субсидиарном порядке – после выяснения, что имущество должника не позволяет покрыть долги полностью.

Для полноты анализа следует кратко отметить, как подобные ситуации решаются за рубежом. Прямого аналога российской модели субсидиарной ответственности участников общества при банкротстве в некоторых зарубежных правовых порядках нет, однако существуют схожие механизмы, ограничивающие злоупотребление принципом ограниченной ответственности. В частности, И. А. Тимофеев указывал, что в странах англо-американского

¹Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2022 № 305-ЭС21-25552 по делу № А40-41691/2019[Электронный ресурс] // Легалакт: сайт. URL:<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07042022-n-305-es21-25552-po-delu-n-a40-416912019/> (дата обращения: 01.12.2025).

права действует доктрина «piercing the corporate veil» (прокалывания корпоративной вуали), согласно которой суд в исключительных случаях может возложить личную ответственность на участников или руководителей компании, если они использовали фирму в мошеннических или недобросовестных целях¹. В Германии, хотя принцип ограниченной ответственности также является базовым, судебная практика выработала случаи «Durchgriffshaftung» – привлечения участников к ответственности при явном смешении личных и корпоративных средств, умышленной недостаточной капитализации или других злоупотреблениях корпоративной формой. Во Франции закон прямо предусматривает специальный иск о привлечении руководителей и участников к ответственности при банкротстве – так называемое «comblementdepassif» (покрытие пассива). По французскому законодательству, если банкротство компании вызвано виновными действиями руководителей (например, грубые ошибки управления или злоупотребления), судебный орган вправе обязать их (а в исключительных ситуациях – и контролирующих акционеров) возместить недостаток в конкурсной массе, то есть фактически покрыть долги компании в части, возникшей по их вине. Эти примеры показывают, что идея привлечения виновных лиц к ответственности при несостоятельности компании присутствует во многих правовых системах, хотя оформлена различными юридическими конструкциями. Везде прослеживается общий принцип: ограниченная ответственность не должна быть щитом для неправомерного поведения. Если владельцы или менеджеры злоупотребляют самостоятельностью юридического лица, законные механизмы позволяют «прорвать» эту самостоятельность и привлечь их к дополнительной ответственности по долгам компании.

Таким образом, по своей правовой природе субсидиарная ответственность участников общества при банкротстве – это особая форма гражданско-правовой ответственности, возникающая на стыке корпоративного

¹Тимофеев И. А. Доктрина прокалывания корпоративной вуали в США [Электронный ресурс] // Вопросы российской юстиции. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-prokalyvaniya-korporativnoy-vuali-v-ssha> (дата обращения: 01.12.2025).

и обязательственного права. С одной стороны, она во многом носит деликтный характер: основана на виновном нарушении (причинении вреда) и направлена на компенсацию убытков кредиторов. С другой стороны, ее применение строго привязано к корпоративным отношениям и процедуре банкротства, то есть к ситуации, когда реализуется исключение из принципа ограниченной ответственности юридического лица. Такая ответственность обладает чертами субсидиарности (дополнительности) – применяется лишь при недостаточности основного должника, и акцессорности – зависима от факта несостоятельности и неправомерного поведения контролирующих лиц. В отличие от классического деликта, здесь потерпевшими выступают не отдельные кредиторы, а их совокупность (конкурсные кредиторы), а отвечать приходится перед конкурсной массой должника. Поэтому можно согласиться с теми авторами, которые подчёркивают специфическую, комплексную природу данного института: он сочетает компенсаторную функцию гражданско-правовой ответственности и регулятивно-превентивную функцию механизма корпоративного права. В итоге субсидиарная ответственность при банкротстве выполняет двойную роль – восстановление имущественных прав кредиторов и наказание (санкция) для недобросовестных участников (руководителей), препятствуя тем самым злоупотреблению ограниченной ответственностью. Именно в этом и проявляется ее правовая природа: это инструмент обеспечения баланса интересов в условиях несостоятельности, который, хотя и опирается на деликтные начала, эволюционировал в самостоятельный институт, защищающий фундаментальные принципы добросовестности в предпринимательской деятельности.

1.2 Развитие института субсидиарной ответственности в российском законодательстве

Первые законодательные акты о банкротстве в постсоветской России (Законы 1992 и 1998 годов) содержали нормы об ответственности руководителей и собственников при доведении до банкротства, однако институт субсидиарной ответственности получил наиболее полное развитие с принятием Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о банкротстве 2002 года)¹.

В течение многих лет действия ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» 2002 года нормы о субсидиарной ответственности оставались относительно лаконичными. Так, статья 10 приведённого Закона предусматривала возможность привлечения контролирующих лиц (например, руководителя должника) к ответственности лишь при установлении факта, что их виновные действия (бездействие) привели к банкротству организации. Применение этой нормы на практике требовало доказать прямую причинно-следственную связь между неправомерным поведением контролирующего лица и несостоятельностью должника, что зачастую было затруднительно и нередко приводило к отказам в привлечении к ответственности. Кроме того, согласно прежней редакции законодательства, заявление о привлечении к субсидиарной ответственности могло быть подано только в рамках самого дела о банкротстве – преимущественно на стадии конкурсного производства.

Ранее, если дело о банкротстве не инициировалось или прекращалось (например, из-за недостатка средств на финансирование процедур), кредиторы оставались без возможности взыскать долг с бенефициаров должника. С середины 2010-х годов началось реформирование этого института, направленное на повышение его эффективности. Ключевым этапом стала реформа гражданского законодательства 2014 года (Федеральный закон от

¹О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.(дата обращения: 11.04.2025).

05.05.2014 № 99-ФЗ), в рамках которой в ГК РФ была введена статья 53.1, устанавливающая ответственность лиц, которые могут влиять на действия юридического лица, за убытки, причиненные их недобросовестными действиями. В статью 56 ГК РФ были внесены существенные изменения, позволяющие привлекать к ответственности лиц, использующих юридическое лицо для причинения вреда кредиторам или совершающих действия, способные нанести существенный вред их интересам. Эти изменения позволили расширить механизмы защиты прав кредиторов и усилить ответственность лиц, фактически контролирующих деятельность юридических лиц.

Эти изменения заложили концептуальную основу для последующей модернизации норм о субсидиарной ответственности уже в специализированном законодательстве о банкротстве. Кульминацией эволюции правового регулирования стали значительные поправки 2017 года, кардинально изменившие правила привлечения контролирующих должника лиц к ответственности. Первая волна изменений была внесена Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ¹, которым расширены пределы применения субсидиарной ответственности. В частности, появилась возможность заявлять требования к виновным лицам после завершения конкурсного производства либо прекращения дела о банкротстве в связи с отсутствием средств на финансирование процедур, при сохранении компетенции арбитражного суда, ранее рассматривавшего дело о банкротстве. Закон № 488-ФЗ предусмотрел несколько новых ситуаций, при которых контролирующие должника лица могут быть привлечены к ответственности:

– если общество с ограниченной ответственностью было исключено из Единого государственного реестра юридических лиц (т.е. фактически ликвидировано без процедуры банкротства), его руководители, участники или иные бенефициары могут нести ответственность по невыполненным обязательствам общества;

¹О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: <http://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-28122016-n-488-fz-o/> (дата обращения: 01.12.2025).

– если руководитель организации не подал вовремя заявление должника о признании банкротом, то он (как и члены коллегиальных органов или лица, определяющие действия компании) может быть привлечён к ответственности даже после возврата арбитражным судом заявления о банкротстве или прекращения дела в связи с отсутствием средств на финансирование процедуры;

– кредиторам предоставлено право обратиться с самостоятельным иском о взыскании долгов с лиц, указанных в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ, после возвращения судом заявления о банкротстве должника или прекращения производства по делу о банкротстве ввиду недостаточности средств. Таким образом, была закрыта серьезная лазейка, позволявшая недобросовестным владельцам компаний избегать ответственности путём уклонения от полноценной процедуры банкротства (например, через «брошенное» банкротство фирмы или её принудительное исключение из реестра). В развитие этих нововведений был принят Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ, который ввёл в Закон о банкротстве главу III.2, целиком посвящённую ответственности лиц, контролирующих должника (статьи 61.10-61.22).

Новые нормы уточнили определение контролирующего должника лица (ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») и установили две ключевые разновидности субсидиарной ответственности: за невозможность полного погашения долгов (т.е. за доведение до банкротства) и за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве. Общий состав ответственности изложен в статье 61.11: если полное удовлетворение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего лица, такое лицо несёт субсидиарную ответственность по долгам должника. При этом законом введён ряд презумпций виновности: например, причинение существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате сделок, совершённых под контролем данного лица, а также отсутствие либо искажение установленной документации бухгалтерского учёта должника к моменту банкротства презюмируют причинно-следственную

связь между поведением контролирующего и несостоятельностью должника. Фактически бремя опровержения этих презумпций возлагается на привлекаемое к ответственности лицо. Аналогично, статья 61.12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» детально регламентировала ответственность за нарушение обязанности своевременно обратиться в суд при признаках банкротства: неисполнение этой обязанности (предусмотренной ст. 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») влечёт субсидиарную ответственность лиц, обязанных подать соответствующее заявление. Закон определил, что размер такой ответственности равен сумме обязательств, возникших после истечения установленного срока для обращения в суд и до возбуждения дела о банкротстве, а бремя доказывания отсутствия причинной связи между несвоевременной подачей заявления и невозможностью удовлетворения требований кредиторов возлагается на привлекаемое лицо.

Принятые в 2017 году законодательные новации потребовали единообразного толкования, которое обеспечил Верховный Суд РФ. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 53 от 21.12.2017 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» дал подробные разъяснения по применению новых норм. В частности, Верховный Суд подтвердил широкий подход к пониманию контролирующего лица: определяющим является наличие у него фактической возможности влиять на должника, вне зависимости от формальных юридических титулов или доли участия¹. Пленум также разъяснил особенности применения обеих форм субсидиарной ответственности – и за доведение до банкротства, и за неподачу заявления – а также обозначил важные процессуальные моменты, включая круг субъектов, имеющих право инициировать такие требования, продолжительность исковой давности и недопустимость дублирования однотипных исков. Эти разъяснения Пленума №

¹О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

53 оказали существенное влияние на правоприменительную практику, задав единообразный подход для судов нижестоящих инстанций. В последующие годы Верховный Суд РФ продолжил формировать практику привлечения к ответственности контролирующих лиц, делая данный институт всё более действенным. Высшая судебная инстанция последовательно исходит из необходимости возложить неблагоприятные последствия банкротства на лиц, виновных в доведении компании до несостоятельности, вместо того чтобы перекладывать бремя убытков на кредиторов.

Так, ВС РФ подчеркнул непоощрительность сценария «брошенного бизнеса», указав, что юридическое лицо должно следовать принципу «закончил бизнес – убери за собой». Уклонение участника от исполнения обязательств компании посредством её заброшенного банкротства не должно лишать кредиторов защиты: Верховный Суд прямо отметил необоснованность перекладывания на кредитора негативных последствий поведения должника, фактически бросившего своё предприятие¹. В том же ключе ВС РФ выработал подход к так называемым «номинальным» руководителям: если формальный директор (подставное лицо) содействует выявлению реальных бенефициаров, его ответственность может быть снижена или устранена, тогда как фактически контролировавшие должника бывшие владельцы понесут основное бремя ответственности. Для облегчения доказывания обстоятельств банкротства Верховный Суд выработал ряд важных правовых позиций. Так, учитывая объективно ограниченный доступ кредитора к внутренней документации должника, Верховный суд указал, что кредитору достаточно представить лишь косвенные доказательства доведения должника до несостоятельности, и суд должен оказать ему содействие в собирании более конкретных доказательств². Кроме того, подтверждён принцип, согласно которому строгие правила

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809 по делу № А41-76337/2021 [Электронный ресурс] // Легалакт: сайт. URL: <https://goo.su/7Fc9ry> (дата обращения: 01.12.2025).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2024 № 303-ЭС24-372 по делу № А59-576/2022 [Электронный ресурс] // Легалакт: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02072024-n-303-es24-372-po-delu-n-a59-5762022/> (дата обращения: 01.12.2025).

доказывания невинности контролирующего лица (включая упомянутые презумпции виновности) применяются не только в рамках дела о банкротстве, но и в сходных случаях привлечения к ответственности по долгам ликвидированной компании вне процедуры банкротства. Тем самым подходы ВС РФ ориентированы на максимальную эффективность субсидиарной ответственности как инструмента защиты кредиторов, но при этом соблюдается баланс, обеспеченный возможностями защиты и для самих привлекаемых лиц. На момент написания настоящей выпускной квалификационной работы институт субсидиарной ответственности участников и иных контролирующих лиц общества при банкротстве является детально урегулированным и динамично развивающимся элементом российского права.

Гражданско-правовая основа (ст. 56 ГК РФ) подкреплена специальными нормами ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (глава III.2) с учётом последних реформ, а накопленная судебная практика (включая разъяснения Пленума Верховного Суда и позиции Конституционного Суда) обеспечивает предсказуемое применение этих норм. В 2024 г. вступил в силу Федеральный закон № 107-ФЗ¹, который повысил минимальный размер задолженности для возбуждения дела о банкротстве организаций до 2 млн руб., а для сельхозорганизаций и стратегических предприятий – до 3 млн руб. Этот порог может влиять на сроки выявления несостоятельности и, следовательно, на ответственность участников за несвоевременную подачу заявления.

Федеральный закон № 208-ФЗ² изменил ст. 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», дополнив её, в частности, нормой о том, что при нереализации права требования на торгах кредиторы в течение 10 рабочих дней после публикации сообщения управляющего вправе предложить иной способ распоряжения этим правом (например, уступку части требования

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. № 23 (часть I). Ст. 3045.

² О внесении изменений в статьи 61.17 и 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 19 и 39 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.07.2024 № 208-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. – URL: <https://goo.su/Lb0S5X> (дата обращения: 01.12.2025).

конкретному кредитору). Это расширяет возможности кредиторов и усиливает их контроль над взысканием. Кроме того, Федеральным законом от 31.07.2025 № 311-ФЗ, вступившим в силу 11.08.2025, уточнён перечень сведений, подлежащих обязательному размещению в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, а также скорректированы сроки их публикации. Это повышает прозрачность процедур и косвенно влияет на споры о субсидиарной ответственности. Данные новеллы не меняют концептуальную основу исследуемого института, но свидетельствуют о его динамичности и усложнении регулирования.

Подводя итог рассмотрению эволюции правового регулирования, представляется целесообразным выделить основные нормативно-правовые акты, формирующие современную модель субсидиарной ответственности участников общества с ограниченной ответственностью (и иных контролирующих лиц) при банкротстве.

Гражданский кодекс РФ: ст. 10 (запрет злоупотребления правом); ст. 53.1 (ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица); ст. 56 (ответственность учредителей (участников) и иных лиц по обязательствам юридического лица); ст. 399 (общие положения о субсидиарной ответственности);

Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» – прежде всего п. 3.1 ст. 3, закрепляющий возможность возложения ответственности на участников и иных лиц при исключении общества из ЕГРЮЛ при наличии непогашенных обязательств.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: ст. 9, 10 (в прежних и действующих редакциях), устанавливающие обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением должника и общие положения о субсидиарной ответственности; глава III.2 (ст. 61.10–61.22), регламентирующая основания и порядок привлечения контролирующих должника лиц к ответственности; ст. 61.17, определяющая порядок распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной

ответственности.

Федеральные законы, реформирующие институт субсидиарной ответственности: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (реформа гражданского законодательства, введение ст. 53.1 ГК РФ и обновление ст. 56 ГК РФ); Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ (расширение случаев привлечения контролирующих лиц, в том числе после завершения или прекращения дела о банкротстве); Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ (введение главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»); Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ (повышение порога задолженности для возбуждения дела о банкротстве организаций); Федеральный закон от 22.07.2024 № 208-ФЗ (уточнение порядка распоряжения правом требования по ст. 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»); Федеральный закон от 31.07.2025 № 311-ФЗ (уточнение обязанностей по раскрытию сведений в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве).

Акты высших судебных инстанций, обеспечивающие единообразие применения указанных норм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 (в части разъяснения применения главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и процессуальных гарантий контролирующих лиц); постановления Конституционного Суда РФ, определяющие конституционные пределы субсидиарной ответственности (в том числе Постановление от 30.10.2023 № 50-П). В совокупности указанные акты формируют нормативную основу института субсидиарной ответственности участников и иных контролирующих лиц общества при банкротстве и задают вектор его дальнейшего развития.

Таким образом, институт субсидиарной ответственности в России прошёл эволюцию от кратких норм о вине руководителя в ранних законах о банкротстве до многоуровневой системы, предусматривающей ответственность любых лиц, фактически контролирующих должника. Законодательные

реформы 2014-2017 гг. ввели в ГК РФ понятие контролирующего лица, расширили основания привлечения к ответственности и закрепили в Законе о банкротстве два типа ответственности – за доведение до банкротства и за несвоевременное обращение в суд. Практику дополнил Верховный суд, сформулировав презумпции вины и критерии добросовестности, а Конституционный суд указал на пределы применения ответственности. Последние новеллы 2024-2025 гг. касаются больше технических вопросов (повышение порога, порядок распоряжения правом требования, расширение информации в реестрах), подтверждая тенденцию к дальнейшему усложнению механизма. Институт сохранил свою исключительную природу – ответственность наступает только при доказанной вине и наличии причинной связи; однако он стал эффективнее для защиты кредиторов и препятствует злоупотреблениям посредством «брошенных» компаний. Проведённый анализ теоретико-правовой характеристики субсидиарной ответственности позволяет утверждать, что институт субсидиарной ответственности участников ООО сформирован как комплексный механизм с чёткими материальными и процессуальными основаниями; его дальнейшее развитие направлено на повышение прозрачности и баланса интересов кредиторов и честных участников, что отражает общую эволюцию российского корпоративного права.

ГЛАВА 2. ПРОЦЕДУРА БАНКРОТСТВА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ И СПОСОБЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЕГО УЧАСТНИКОВ

2.1 Понятие, основание и цели процедур банкротства обществ с ограниченной ответственностью

Процедура банкротства общества с ограниченной ответственностью (далее по тексту – ООО) представляет собой комплекс мер, применяемых в случае финансовой несостоятельности общества, направленных либо на восстановление его платежеспособности, либо на упорядоченную ликвидацию с соразмерным удовлетворением требований кредиторов. С правовой точки зрения институт несостоятельности (банкротства) носит межотраслевой характер: он находится на стыке корпоративного права и обязательственного права.

С одной стороны, банкротство ООО затрагивает корпоративные аспекты – прекращение деятельности юридического лица, утрату органами управления (директором, общим собранием участников) своих полномочий, приостановление корпоративных прав участников на период процедуры и последующее прекращение самого юридического лица как субъекта права. С другой стороны, банкротство – это способ коллективного удовлетворения обязательственных требований кредиторов, что относит его к сфере обязательственного (договорного) права: все имущественные требования сгруппированы в единый реестр и удовлетворяются по установленным законодательством правилам очередности за счет имущества должника (конкурсной массы)¹.

Таким образом, процедура банкротства объединяет корпоративно-правовой элемент (ликвидация и «судьба» юридического лица) и

¹ Манушин Д. В. Уточнение понятий банкротства, несостоятельности и неплатежеспособности юридических лиц в условиях санкций и импортозамещения // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19. № 2. С. 276.

обязательно-правовой элемент (урегулирование долговых обязательств), обеспечивая баланс между принципом самостоятельной ответственности ООО по своим долгам и необходимостью защиты прав кредиторов.

ООО, как организационно-правовая форма, характеризуется принципом ограниченной ответственности участников: в соответствии со ст. 56 ГК РФ учредители не отвечают по долгам общества, рискуя лишь своим вкладом в уставный капитал. Банкротство само по себе не отменяет этой нормы, однако в случаях злоупотребления участниками или руководством принципом обособленной ответственности возможно привлечение контролирующих лиц к субсидиарной (дополнительной) ответственности как исключению из общего правила.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 53¹ подчеркнул, что привлечение контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве – это крайняя мера для защиты интересов кредиторов, допустимая, когда ограниченная ответственность используется недобросовестно во вред кредиторам. Иначе говоря, пока участники действуют добросовестно, обязательства ООО остаются сугубо корпоративными, но при злоупотреблениях («вывод» активов, фиктивное банкротство, преднамеренное доведение до неплатежеспособности) законодательство и суды позволяют «сорвать корпоративную вуаль» и возложить долг на виновных лиц. В целом же правовая природа процедуры банкротства остается двуединым механизмом: она одновременно инструмент корпоративного права (поскольку определяет судьбу юридического лица и отношения внутри него) и институт обязательно-правового права (поскольку регулирует порядок исполнения имущественных требований кредиторов к должнику).

Основания несостоятельности (банкротства) закреплены на законодательном уровне и подразумевают невозможность должника удовлетворить требования кредиторов в полном объеме. Формально

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

банкротство предполагается при наличии признаков неплатежеспособности, установленных законом. В отношении юридических лиц критерии установлены ст. 3 и 6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹. В соответствии с п. 2 ст. 6 названного закона производство по делу о банкротстве может быть возбуждено арбитражным судом при условии, что требования к должнику – юридическому лицу в совокупности составляют не менее 2 000 000 рублей. Для отдельных категорий должников – сельскохозяйственных организаций, стратегических предприятий и субъектов естественных монополий – специальный порог установлен в размере 3 000 000 рублей. Эти изменения были внесены Федеральным законом от 29.05.2024 № 107-ФЗ, существенно скорректировавшим условия инициирования процедур банкротств².

Инициация процедуры банкротства может происходить как по воле самого должника, так и по заявлению кредиторов или уполномоченных органов. Право ООО на подачу заявления о собственном банкротстве предусмотрено ст. 8 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: руководство компании вправе обратиться в арбитражный суд, если очевидно, что общество не сможет исполнить свои обязательства в срок. В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» законодатель не только предоставляет должнику право обратиться в арбитражный суд, но и устанавливает в ряде случаев обязанность сделать это. Руководитель должника обязан подать заявление должника в арбитражный суд при наличии предусмотренных законом обстоятельств (признаки неплатежеспособности, недостаточности имущества, существенное осложнение деятельности в связи с обращением взыскания и др.) в кратчайший срок, но не позднее чем через

¹ О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Увеличены минимальные размеры задолженности для инициирования банкротства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/news/activities_fts/14968144/?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 01.12.2025).

месяц с момента их возникновения (п. 2 ст. 9). В ходе добровольной ликвидации юридического лица, если ликвидационная комиссия обнаруживает, что имущество общества недостаточно для расчётов с кредиторами, на неё возлагается специальная обязанность: обратиться в арбитражный суд с заявлением должника в течение десяти дней с момента выявления признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества (п. 3 ст. 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Неисполнение этих обязанностей традиционно рассматривается судами как одно из оснований для привлечения руководителя и иных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по долгам должника, поскольку промедление с инициированием процедуры банкротства приводит к увеличению размера неудовлетворённых требований кредиторов.

Иными словами, закон стимулирует руководство своевременно инициировать процедуру банкротства для защиты прав кредиторов; в противном случае должностные лица рискуют уже личным имуществом, возмещая увеличившийся за время промедления ущерб кредиторам. Судебная практика подтверждает строгий подход к этой обязанности. Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа в одном из дел привлек к ответственности двух участников ООО, владевших в совокупности более 50% долей, которые бездействовали и не приняли мер к погашению долгов (в том числе не назначили эффективного антикризисного директора) – их пассивность расценена как нарушение обязанностей, приведшее к банкротству должника¹. В другом деле Арбитражный суд Дальневосточного округа подтвердил выводы судов первой и апелляционной инстанций о привлечении к субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа должника за несвоевременную подачу заявления о собственном банкротстве. Суды установили, что уже к середине 2022 г. общество обладало очевидными признаками неплатежеспособности: отсутствовала реальная хозяйственная

¹ Субсидиарная ответственность: интересные примеры из практики за 2019-2020 годы [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://goo.su/ZsueHb> (дата обращения: 01.12.2025).

деятельность, имелась значительная задолженность перед кредиторами и бюджетом, фиксировались убытки по данным бухгалтерской отчетности, однако директор не предпринял разумных мер по финансовому оздоровлению и не обратился в суд в месячный срок, предусмотренный ст. 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Попытки руководителя сослаться на заключенное соглашение о «сотрудничестве» с иным хозяйствующим субъектом как на план восстановления платежеспособности были признаны экономически необоснованными и не подтверждающими реальную возможность вывода общества из кризиса. В результате директор был привлечен к субсидиарной ответственности в размере задолженности, сформировавшейся после истечения установленного законом срока на обращение с заявлением должника, что еще раз подчеркнуло позицию судов округа¹: несоблюдение обязанности по своевременной инициации процедуры банкротства рассматривается как самостоятельное виновное поведение контролирующего лица, влекущее обязанность компенсировать кредиторам ущерб, вызванный затягиванием обращения в арбитражный суд.

Со стороны кредиторов право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом возникает не по факту безуспешного исполнительного производства, а при наступлении предусмотренных Законом о несостоятельности юридических условий. В соответствии с п. 2 ст. 7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» право на обращение в суд по денежным обязательствам возникает у конкурсного кредитора, работника, бывшего работника должника и уполномоченного органа с даты вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего соответствующее требование (решения суда, арбитражного суда либо акта о выдаче исполнительного листа по

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа (ФАС ДО) от 27 июня 2024 г. по делу № А51-5157/2023 [Электронный ресурс] // СудАкт: [сайт]. URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/TCvVK1dEcNbV/](https://sudact.ru/arbitral/doc/TCvVK1dEcNbV/) (Дата обращения: 01.12.2025).

решению третейского суда)¹. Для конкурсного кредитора, должника, работника и бывшего работника должника данное право реализуется при условии предварительной публикации уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц не менее чем за пятнадцать календарных дней до подачи заявления; по истечении тридцати дней с момента публикации соответствующее уведомление утрачивает силу (п. 2.1 ст. 7 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). В свою очередь, для уполномоченного органа по обязательным платежам действует специальное правило: его право на обращение в суд возникает по истечении тридцати дней с даты принятия решения, указанного в абз. 2 п. 3 ст. 6 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», то есть после соблюдения установленного законом порядка взыскания задолженности во внесудебном и судебном порядке.

Таким образом, круг субъектов, наделённых правом инициировать дело о банкротстве, достаточно широк: помимо самого должника (в том числе в лице его органов управления) и конкурсных кредиторов, к ним относятся уполномоченные органы (налоговые органы и иные государственные кредиторы), а также работники и бывшие работники должника, имеющие требования о выплате заработной платы и выходных пособий. Участники (учредители) ООО могут участвовать в инициировании банкротства либо как органы должника, принимая соответствующее решение о подаче заявления, либо как конкурсные кредиторы, если обладают подтверждёнными денежными требованиями к обществу. Таким образом, законодательство исходит из модели, при которой возбуждение дела о банкротстве возможно по инициативе практически любого лица, чьи законные имущественные требования к должнику остались неудовлетворёнными, при соблюдении предусмотренных законом материальных и процессуальных условий.

При рассмотрении дела о банкротстве должника – юридического лица

¹ Егоров А. А. О важности определения момента наступления объективного банкротства для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности // Юридические исследования. 2025. №. 2. С. 21.

законодатель выделяет ряд процедур, которые в научной литературе и правоприменительной практике традиционно рассматриваются как последовательные стадии развития дела о несостоятельности. В соответствии со ст. 27 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к таким процедурам относятся наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, а также мировое соглашение. Вместе с тем законодатель предусматривает специальные случаи, когда дело о банкротстве может рассматриваться в упрощённом порядке, без прохождения всех общих стадий. Такие случаи объединены в главе XI ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и включают, в частности, банкротство ликвидируемого должника, банкротство отсутствующего должника, а также банкротство специализированного общества и ипотечного агента. Наибольшее практическое значение для обществ с ограниченной ответственностью имеет именно банкротство отсутствующего должника. Под таковым, в том числе, понимается юридическое лицо, фактически прекратившее деятельность, не ведущее бухгалтерский учёт и отчётность, руководитель которого отсутствует, либо установить его местонахождение не представляется возможным.

В соответствии с п. 1 ст. 227 Федерального закона № 127-ФЗ заявление о признании отсутствующего должника банкротом может быть подано конкурсным кредитором или уполномоченным органом независимо от размера кредиторской задолженности, то есть без соблюдения общего порога требований, установленного для обычных процедур банкротства. Для уполномоченного органа дополнительно предусмотрено условие наличия средств, достаточных для финансирования расходов по делу о банкротстве (п. 2 ст. 227). Ключевая особенность данного режима состоит в том, что при банкротстве отсутствующего должника арбитражный суд, руководствуясь ст. 228 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в течение месяца со дня принятия заявления о признании должника банкротом (либо со дня получения заявления временного управляющего о переходе к упрощённой процедуре) принимает решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного

производства. При этом наблюдение, финансовое оздоровление и внешнее управление не применяются: процедура начинается сразу с конкурсного производства, что позволяет существенно сократить временные и процессуальные затраты.

Вместе с тем упрощённый порядок не означает отсутствия каких-либо стадий внутри конкурсного производства. Даже в отношении отсутствующего должника конкурсный управляющий обязан осуществить комплекс действий: уведомить известных кредиторов и предоставить им установленный законом срок для предъявления требований; провести поиск и инвентаризацию имущества должника (включая выявление активов, ранее отчуждённых в пользу аффилированных лиц); организовать реализацию обнаруженного имущества и распределение вырученных средств в порядке очередности, установленной ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; представить в суд отчёт о результатах конкурсного производства. Если в ходе упрощённой процедуры будет выявлено существенное имущество, позволяющее вести полноценное дело о банкротстве, управляющий вправе поставить вопрос о переходе к общим процедурам, то есть фактически вернуть дело в «обычную» модель с возможностью реабилитационных стадий.

На практике упрощённая процедура банкротства отсутствующего должника нередко применяется в отношении так называемых «брошенных» компаний, где активы минимальны или отсутствуют, а фактическая хозяйственная деятельность прекращена. В подобных делах¹ удовлетворение требований кредиторов, как правило, носит символический характер или вовсе не осуществляется, а результатом становится ликвидация юридического лица с внесением соответствующей записи в ЕГРЮЛ. Параллельно с этим государство активно использует внебанкротный механизм исключения недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ по инициативе регистрирующего органа².

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «25» апреля 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] //

Исключение общества как недействующего не предполагает анализа его платёжеспособности и не обеспечивает процессуальных гарантий кредиторам, в связи с чем нередко приводит к ликвидации юридического лица при наличии непогашенной кредиторской задолженности.

Однако административное исключение должника из ЕГРЮЛ не освобождает контролирующих лиц от возможной ответственности. Современная судебная практика, в том числе позиция Верховного Суда Российской Федерации, исходит из того, что ликвидация общества вне процедуры банкротства при наличии непогашенных обязательств не препятствует предъявлению требований к бывшим участникам и руководителям общества¹. Тем самым формируется устойчивый подход: попытка уклониться от надлежащих процедур банкротства и ликвидации посредством «брошенного» бизнеса или административного исключения компании из реестра не защищает контролирующих лиц, а, напротив, усиливает риск их личной имущественной ответственности, в том числе в форме субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве.

Цели процедур банкротства в российском праве традиционно двуединны. С одной стороны, это финансовое оздоровление должника при наличии реальных предпосылок восстановления его платёжеспособности; с другой стороны, при невозможности такого восстановления – наиболее полное и справедливое удовлетворение требований кредиторов с последующим упорядоченным прекращением деятельности должника как юридического лица. Указанные цели находят отражение в системе процедур, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Как уже указывалось ранее, в соответствии со ст. 27 названного закона к

Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12123875/81baf971a6153f148e790c1f0cecbd56/> (дата обращения: 01.12.2025)

¹ Определение СКЭС ВС РФ № 307-ЭС24-18794 от 11.02.2025 по делу № А66-9932/2023; Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС24-24042 от 16.04.2025 по делу № А40-277055/2023; Определение СКЭС ВС РФ № 307-ЭС24-22013 от 25.04.2025 по делу № А56-114578/2022; Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС24-24568 от 30.05.2025 по делу № А40-55223/2023 [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 01.12.2025)

числу процедур, применяемых в деле о банкротстве юридического лица, относятся: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, а также мировое соглашение. Эти процедуры в доктрине и правоприменительной практике рассматриваются как последовательные стадии развития дела о несостоятельности, каждая из которых имеет собственное функциональное назначение и процессуальные особенности.

Наблюдение выступает исходной стадией, вводимой арбитражным судом после принятия заявления о признании должника банкротом. На данном этапе осуществляется анализ финансового состояния ООО, принимаются меры по обеспечению сохранности его имущества, формируется реестр требований кредиторов, созывается первое собрание кредиторов. Общество продолжает осуществлять деятельность, однако полномочия его органов управления существенно ограничиваются: значимые сделки могут совершаться только с согласия временного управляющего, запрещается выплата дивидендов, приостанавливается исполнение ряда обязательств должника вне рамок дела о банкротстве. Цель наблюдения состоит в том, чтобы определить перспективы должника и обеспечить равенство кредиторов на начальном этапе; по итогам данной процедуры кредиторы принимают решение о целесообразности введения реабилитационных процедур либо о переходе к ликвидационной стадии.

Финансовое оздоровление представляет собой реабилитационную процедуру, направленную на погашение задолженности должника по утверждённому графику за счёт внутренних резервов организации и (или) внешней поддержки (средств участников, инвесторов и иных лиц). Процедура вводится арбитражным судом, как правило, по ходатайству должника, его участников либо третьих лиц, готовых обеспечить исполнение плана финансового оздоровления (путём предоставления обеспечения, залога, банковской гарантии и т.п.). В период финансового оздоровления органы управления общества формально сохраняют свои полномочия, однако их

деятельность находится под контролем административного управляющего. Основная цель данной процедуры – предотвратить признание должника банкротом, восстановив его платёжеспособность и обеспечив расчёты с кредиторами в установленный срок¹.

Внешнее управление также относится к «санационным» процедурам, но отличается более глубокой степенью вмешательства в деятельность должника. Введение внешнего управления предполагает отстранение прежнего руководства общества от управления и передачу соответствующих полномочий внешнему управляющему, назначенному арбитражным судом. Внешний управляющий разрабатывает и реализует план внешнего управления – комплекс мер, направленных на восстановление платёжеспособности (перепрофилирование деятельности, реструктуризация задолженности, продажа части активов, привлечение инвестора, изменение корпоративной структуры и др.). При успешной реализации плана, когда предприятие начинает исполнять обязательства перед кредиторами в установленном объёме и сроки, производство по делу о банкротстве подлежит прекращению, а общество продолжает функционировать уже в более устойчивом финансовом состоянии.

Конкурсное производство является завершающей ликвидационной стадией, вводимой в случае, если восстановление платёжеспособности должника признано невозможным или реабилитационные меры не дали результата. На данном этапе арбитражный суд признаёт общество банкротом и открывает конкурсное производство, основной целью которого выступает ликвидация должника и соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Полномочия органов управления общества прекращаются, управление делами должника переходит к конкурсному управляющему. Последний формирует конкурсную массу – совокупность всего имущества должника на дату открытия конкурсного производства, а также имущества, выявленного или возвращённого в её состав в ходе процедуры (в том числе в результате

¹ Носенко Д. С. Правовые проблемы при проведении процедур банкротства общества с ограниченной ответственностью // Вестник магистратуры. 2022. № 6-1(129). С. 55.

предъявления виндикационных требований, оспаривания подозрительных и притворных сделок, возврата дебиторской задолженности и т.п.)¹. Имущество конкурсной массы подлежит инвентаризации, оценке и реализации, как правило, посредством торгов, а вырученные денежные средства распределяются между кредиторами.

Распределение денежных средств в конкурсном производстве осуществляется в соответствии с очередностью, установленной ст. 134 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Закон выделяет две крупные группы требований: текущие платежи, подлежащие удовлетворению вне очереди по отношению к требованиям, включённым в реестр, и реестровые требования кредиторов.

Внутри текущих платежей действуют дополнительные приоритеты²: в силу п. 1.1 ст. 134 вне очереди, преимущественно перед любыми иными текущими платежами, погашаются расходы на предотвращение техногенных и экологических катастроф и (или) их последствий, а также угрозы гибели людей на опасном объекте. Остальные текущие платежи удовлетворяются в порядке, закреплённом в п. 2 ст. 134: в первую очередь – судебные расходы по делу о банкротстве, вознаграждение арбитражного управляющего и обязательные расходы на привлечённых специалистов; во вторую очередь – требования об оплате труда работников и выходных пособий; в третью очередь – вознаграждение прочих привлечённых лиц; в четвертую очередь – эксплуатационные платежи (коммунальные, по договорам энергоснабжения и др.); в пятую очередь – иные текущие платежи. Требования, относящиеся к одной очереди, удовлетворяются в порядке календарной очередности.

Реестровые требования кредиторов погашаются в порядке, предусмотренном п. 4 ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: в

¹ Галка Д. В. Правовые проблемы и особенности процедуры банкротства общества с ограниченной ответственностью // Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности: Материалы VIII Всероссийской национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 06 июня 2024 года. Ростов-на-Дону, 2024. С. 157.

² О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

первую очередь производятся расчёты с гражданами по требованиям о возмещении вреда жизни и здоровью (путём капитализации повременных платежей), во вторую очередь – по требованиям работников о выплате заработной платы и выходных пособий, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности, в третью очередь – по всем прочим требованиям кредиторов. После расчётов с кредиторами третьей очереди погашаются требования, вытекающие из недействительности сделок, оспоренных по основаниям п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Требования кредиторов, обеспеченные залогом имущества должника, удовлетворяются за счёт стоимости предмета залога в особом порядке, установленном ст. 138 указанного закона, а требования владельцев облигаций без срока погашения удовлетворяются после удовлетворения требований всех иных кредиторов.

После завершения расчётов с кредиторами формируется ликвидационный баланс, арбитражный суд выносит определение о завершении конкурсного производства, и в ЕГРЮЛ вносится запись о ликвидации общества с ограниченной ответственностью. Остаток имущества (если он имеется после полного удовлетворения требований кредиторов и погашения расходов по делу) подлежит распределению между участниками общества пропорционально их долям в уставном капитале.

Важным элементом научного анализа является оценка реального функционирования этих процедур. По данным Статистического бюллетеня Федресурса «Банкротство в России. Итоги 2024 года», реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление и внешнее управление) в делах о банкротстве компаний применяются крайне редко¹: их суммарная доля на протяжении последних лет не превышает 1-2 % от общего числа процедур (без учёта наблюдения), тогда как подавляющее большинство дел завершается введением конкурсного производства. Таким образом, несмотря на формально

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024 [Электронный ресурс] // Федресурс: [сайт]. URL: <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185> (дата обращения: 01.12.2025).

заявленную законодательством приоритетность восстановления платёжеспособности должника, на практике институт банкротства юридических лиц остаётся преимущественно ликвидационным инструментом.

Низкой остаётся и эффективность удовлетворения требований кредиторов. Согласно тому же бюллетеню, в 2019-2024 годах доля удовлетворённых требований кредиторов в делах о банкротстве компаний колебалась в диапазоне от 3,5 до 9,9 %, а по итогам 2024 г. составила около 7,9 % от суммы включённых требований. Иными словами, свыше 90 % заявленных требований в корпоративных процедурах остаются непогашенными. Дополнительно фиксируется значительный удельный вес дел, в которых кредиторы не получают вообще ничего: по данным Федресурса, в 2023-2024 годах доля процедур, завершившихся при нулевом объёме удовлетворённых требований, составляла более половины всех дел о банкротстве компаний¹. Эти показатели демонстрируют существенный разрыв между нормативной моделью (с её ориентацией на баланс интересов должника и кредиторов) и фактическими результатами применения процедур банкротства, что имеет принципиальное значение для анализа субсидиарной ответственности участников и иных контролирующих лиц.

Наряду с указанными процедурами законодатель предоставляет должнику и кредиторам возможность урегулировать отношения путём заключения мирового соглашения. Оно может быть заключено на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве, утверждается собранием кредиторов и арбитражным судом и представляет собой компромиссный способ реструктуризации задолженности: стороны согласовывают условия отсрочки или рассрочки платежей, уменьшения размера требований, обмена долга на долю участия в обществе и иные механизмы. Утверждение мирового соглашения влечёт прекращение производства по делу и сохранение должника как субъекта гражданского оборота. В отношении обществ с ограниченной

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024 [Электронный ресурс] // Федресурс: [сайт]. URL: <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185> (дата обращения: 01.12.2025).

ответственностью данный инструмент применяется сравнительно редко, что также подтверждается статистикой Федресурса: на фоне общего числа процедур доля дел, завершившихся мировым соглашением или успешной санацией, остаётся минимальной. Тем не менее законодательство специально закрепляет такую возможность как проявление принципов диспозитивности и экономической целесообразности в процедурах банкротства.

Таким образом, стратегические цели процедуры банкротства – это либо спасение компании через санацию, либо ее упразднение с максимально возможным расчетом с кредиторами. Российское законодательство сочетает эти цели, последовательно предоставляя шанс на оздоровление (через наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление) и, если он не реализован, переходя к ликвидации (конкурсному производству). Применительно к ООО эти цели приобретают специфику: учитываются интересы не только кредиторов, но и участников общества, трудового коллектива и государства. Так, закон особо защищает права работников – задолженность по зарплате выплачивается вне очереди (текущие платежи) или в приоритетном порядке первой очереди реестра требований. Участники ООО, хотя и лишаются контроля на время процедуры, все же сохраняют некоторый интерес: при редком профиците конкурсной массы после расчетов излишек возвращается им, а кроме того, они могут сами выступать инвесторами для финансового оздоровления либо инициаторами мирового соглашения, стремясь сохранить бизнес.

В делах о несостоятельности ключевая роль принадлежит арбитражному управляющему – независимому профессиональному участнику процедуры, утверждаемому арбитражным судом в одном из предусмотренных законом статусов (временный, административный, внешний или конкурсный управляющий – в зависимости от применяемой процедуры)¹. Арбитражный управляющий действует добросовестно и разумно в интересах должника, его

¹ Манушин Д. В. Уточнение понятий банкротства, несостоятельности и неплатежеспособности юридических лиц в условиях санкций и импортозамещения // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19. №. 2. С. 273.

кредиторов и общества в целом, под контролем собрания (комитета) кредиторов и арбитражного суда. К основным направлениям его деятельности относятся: общее управление имуществом должника в пределах предоставленных полномочий, принятие мер по обеспечению сохранности активов, проведение анализа финансового состояния и инвентаризации имущества, выявление признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, а также информирование уполномоченных органов о таких признаках.

В конкурсном производстве на управляющего возлагаются формирование конкурсной массы, организация реализации имущества должника и распределение вырученных денежных средств между кредиторами в установленной законом очередности. В рамках главы III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный управляющий наделён правом оспаривать сделки должника, совершённые до введения процедур банкротства и (или) в их ходе, если такие сделки нарушают права кредиторов (в том числе сделки по выводу активов, удовлетворение требований отдельных кредиторов вне очереди и иные предпочтительные распоряжения имуществом); учитывая возложенную на него обязанность по защите конкурсной массы, в доктрине и судебной практике подчёркивается, что бездействие управляющего при наличии оснований для оспаривания сделок может квалифицироваться как ненадлежащее исполнение обязанностей¹.

Кроме того, именно арбитражный управляющий – прежде всего конкурсный, а в ряде случаев и временный, административный или внешний – на практике часто выступает инициатором привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности: он собирает и анализирует доказательства неправомерных действий руководителей и участников, готовит и предъявляет соответствующие заявления в арбитражный суд. Таким образом, арбитражный управляющий выступает ключевым гарантом достижения целей

¹ Папазян Ю. К. Права и обязанности арбитражного управляющего при проведении процедур банкротства юридического лица // *Европейский журнал права*. 2025. № 63. С. 75.

процедур банкротства: в реабилитационных процедурах он содействует восстановлению платёжеспособности должника, а в ликвидационной – обеспечивает максимально возможное и справедливое удовлетворение требований кредиторов. Законодательство предъявляет к личности и деятельности арбитражного управляющего повышенные требования (ст. 20.2, 20.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») и предусматривает меры ответственности за допущенные нарушения, включая отстранение от исполнения обязанностей в конкретном деле, обязанность возместить причинённые убытки, а также фактическую утрату статуса путём исключения из саморегулируемой организации арбитражных управляющих (ст. 20.4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), что подтверждает его особое значение для законности и эффективности процедур банкротства.

Анализ современной судебной практики демонстрирует, что суды уделяют повышенное внимание соблюдению руководством и участниками ООО своих обязанностей, как в преддверии, так в уже инициированном процессе банкротства, а также вопросу ответственности виновных лиц. Практика подтверждает заявленные цели процедуры – защита прав добросовестных кредиторов и недопущение злоупотреблений со стороны должников. Рассмотрим несколько показательных примеров из судебной практики Дальневосточного федерального округа, суды которого, как и остальные, последовательно применяют доктрину недопустимости злоупотребления правом в корпоративной форме.

В качестве примера можно привести дело, в котором владелец 50% доли в уставном капитале ООО пытался избежать ответственности, заявляя, что не участвовал в управлении и «устранился» от дел компании. Арбитражный суд Дальневосточного округа установил, что пассивное поведение участника не освобождает его от ответственности: фактически его бездействие позволило руководству общества действовать нерационально, компания накапливала

долги и в итоге обанкротилась¹. Участник не представил доказательств, что предпринимал попытки предотвратить банкротство, поэтому был привлечен к субсидиарной ответственности. Этот случай демонстрирует подход: обязанности участников крупного бизнеса включают надлежащий контроль за деятельностью общества, и полное самоотстранение при наличии возможности влиять на ситуацию расценивается как нарушение принципа добросовестности. Цель банкротного механизма – привлечь к ответу всех, чье поведение причинно довело до несостоятельности, будь то действие или бездействие.

Вместе с тем, судебная практика знает примеры, когда ответственность номинальных или формальных руководителей не наступала при отсутствии их вины. Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа в 2020 г. продемонстрировал редкий случай полного освобождения директора от «субсидиарки»: установлено, что бывший гендиректор являлся лишь номинальным, не принимал ключевых решений, не имел доступа к документации и электронной подписи общества, а потому не участвовал в выводе активов и не мог повлиять на финансовое состояние должника. Суды всех инстанций отказали во взыскании с него убытков, и Верховный Суд РФ оставил это решение без изменения². Этот пример подтверждает, что институт субсидиарной ответственности направлен не на формальное наказание любого должностного лица, а именно на восстановление справедливости: цель – взыскать убытки с реальных виновников банкротства, и, если лицо объективно не причастно к доведению до несостоятельности, оно не должно нести ответственность. Данная позиция согласуется с принципами, изложенными в Пленуме ВС № 53³, о необходимости учитывать реальную роль контролирующего лица и недопустимости автоматического привлечения к

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа (ФАС ДО) от 8 апреля 2019 г. по делу № А37-205/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YO3ngHJzsFQC/> (дата обращения: 19.11.2025).

² Субсидиарная ответственность: интересные примеры из практики за 2019-2020 годы [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://goo.su/ZsueHb> (Дата обращения: 01.12.2025).

³ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

ответственности без доказанной вины.

В судебной практике последних лет акцент делается также на пресечение схем, направленных на обход процедуры банкротства или выведение активов перед ней. Во многих делах выявляются факты фиктивных ликвидаций, смены юридических лиц с сохранением бизнеса, преднамеренного банкротства через аффилированные структуры и т.д. Суды и арбитражные управляющие, исходя из разъяснений высших судов, активно «разрывают» такие схемы, чтобы цель процедуры – удовлетворение требований добросовестных кредиторов – была достигнута. Формальная смена юрлица (перевод активов и бизнеса на новую компанию с теми же бенефициарами) не избавляет контролирующих лиц от ответственности перед кредиторами старой компании; такие действия рассматриваются как злоупотребление правом, и суды «срывают корпоративную вуаль», привлекая новую компанию и бенефициаров к солидарной ответственности по долгам банкрота¹. Тем самым подтверждается, что конечная задача процедуры банкротства – не допустить, чтобы за формальными перестановками и корпоративными конструкциями скрылась неоплаченная задолженность.

Отдельно следует отметить, что практика арбитражных судов Дальнего Востока вписывается в общероссийскую тенденцию: многие правовые позиции формируются Верховным Судом и обязательны для всех округов. Тем не менее, в дальневосточном регионе, учитывая его экономическую специфику (большая доля предприятий сырьевого сектора, удаленность от центра, нередкие случаи «брошенных» предприятий), суды часто сталкиваются с банкротствами так называемых компаний-однодневок, отсутствующих должников. В этих условиях особую роль приобретает институт субсидиарной ответственности и внебанкротные механизмы защиты кредиторов.

Таким образом, процедура банкротства обществ с ограниченной ответственностью представляют собой межотраслевой механизм, в котором

¹ Чернышев Р. А. Новые подходы в судебной практике по субсидиарке в делах о банкротстве [Электронный ресурс] // Арбитражная практика для юристов: [сайт]. URL: <https://goo.su/zzi7xE> (Дата обращения: 01.12.2025).

корпоративные аспекты (судьба юридического лица и органов управления) тесно переплетены с обязательственно-правовым регулированием коллективного удовлетворения требований кредиторов. Основания их применения связаны с установленными законом признаками неплатёжеспособности и недостаточности имущества, порогом задолженности, а также соблюдением специальных обязанностей руководителя и ликвидационной комиссии по своевременной подаче заявления должника. Цели процедур двуедины: при наличии реальных шансов на санацию – восстановление платёжеспособности ООО, при их отсутствии – упорядоченная ликвидация с максимально возможным и справедливым удовлетворением требований кредиторов, что в современных условиях всё чаще дополняется использованием механизмов субсидиарной ответственности контролирующих лиц для компенсации недостаточности конкурсной массы.

2.2 Способы привлечения участников общества с ограниченной ответственности к субсидиарной ответственности

В научной литературе отмечается, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц (включая участников) подразделяется на два основных вида по основаниям возникновения: ответственность за действия (бездействие), приведшие к невозможности полного удовлетворения требований кредиторов (регулируется ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»); ответственность за несвоевременное обращение должника в суд (неподачу заявления о банкротстве), установленная ст. 61.12 указанного закона. Приведённые категории имеют самостоятельное нормативное закрепление и различную правовую природу. Первая носит компенсационно-санкционный характер и направлена на возмещение вреда, причиненного кредиторам. Вторая связана с нарушением публично-правовой обязанности по

инициированию процедуры банкротства должника¹.

По процессуальному критерию выделяют следующие формы привлечения к субсидиарной ответственности: банкротная форма – реализуется в рамках дела о несостоятельности; внебанкротная форма – применяется в общем порядке, вне процедуры банкротства (например, при исключении должника из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица – п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Проанализируем последовательно указанные формы ответственности, основания их применения и особенности реализации в правоприменительной практике.

Привлечение участника к ответственности в рамках дела о банкротстве представляет собой основной процессуальный механизм возложения субсидиарной ответственности на участников общества, действующий в процедуре несостоятельности. Согласно п. 1 ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий или бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несёт субсидиарную ответственность по обязательствам должника.

Это означает, что участник ООО (как и любой иной контролирующий субъект) будет обязан удовлетворить неоплаченные долги общества, если доказано, что именно его недобросовестное поведение привело к банкротству или существенному ухудшению финансового положения компании. Данная субсидиарная ответственность носит универсальный характер и применяется ко всем контролирующим лицам независимо от их статуса и формы участия в управлении, причём её наступление не зависит от наличия договорных отношений с кредитором и не подпадает под общие нормы ст. 399 ГК РФ о дополнительном должнике. Закон о банкротстве устанавливает ряд специальных презумпций, существенно облегчающих кредиторам процесс

¹ Добрачев Д. В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства. М.: Инфотропик Медиа. 2019. С.96.

доказывания вины контролирующих лиц

Так, п. 2 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит открытый перечень ситуаций, в которых предполагается, что невозможность погашения долгов вызвана виновными действиями контролирующих лиц, пока не доказано обратное¹. К таким ситуациям, в частности, относятся: совершение сделок, причинивших существенный вред имущественным правам кредиторов (например, вывод активов на подконтрольные лица); отсутствие необходимой бухгалтерской документации или её искажение, затрудняющее банкротные процедуры; существенное превышение штрафных санкций (например, налоговых) в структуре задолженности; утрата обязательных для хранения корпоративных документов и др. Наличие хотя бы одного из указанных фактов создает предположение недобросовестности контролирующего лица, освобождая кредитора от обязанности доказывать прямой умысел участника на причинение вреда кредиторам. Таким образом, бремя доказывания в значительной части переносится на ответчика-участника: именно он должен представить опровержение презумпций, доказав добросовестность своего поведения или отсутствие причинной связи между своими действиями и банкротством общества.

Другим основанием привлечения к ответственности в рамках банкротства является неисполнение обязанностей по своевременному обращению в суд. Данная норма закреплена в ст. 61.12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», устанавливающей субсидиарную ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) должником заявления о признании его банкротом. Участники общества формально не являются субъектами обязанности по подаче заявления должника – такая обязанность возложена законодателем прежде всего на руководителя должника (генерального директора) и ликвидационную комиссию (ликвидатора) юридического лица (п. 1 ст. 9). Однако на практике крупные участники (особенно единственные учредители,

¹ О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 43. Ст. 4190.

совмещающие статус руководителя) также несут ответственность за принятие решения о судьбе неплатёжеспособного предприятия. Смысл ст. 61.12 заключается в следующем: если руководитель или иной обязанный субъект не инициировал дело о банкротстве при формальных признаках несостоятельности (например, при наличии просроченной задолженности свыше установленного порога в течение 30 дней), и за время неоправданной задержки положение кредиторов ухудшилось (нарастал долг, уменьшалось имущество должника и т.п.), то контролирующее лицо компенсирует увеличившийся ущерб. Размер такой ответственности обычно ограничивается дополнительными долгами, возникшими вследствие просрочки обращения в суд.

Так, если участник (через подконтрольного директора) умышленно не подавал заявление о банкротстве, пытаясь вывести активы или продолжая бесперспективный бизнес, и в этот период обязательства выросли – данное увеличение задолженности может быть взыскано с него субсидиарно. Судебная практика последних лет сформулировала важный подход: при оценке такой ответственности учитываются не только формальные критерии (размер долга, превышение порога), но и наличие реального вреда от промедления. В частности, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 07.02.2023 № 6-П¹ подчеркнул, что привлечение контролирующего лица за несвоевременную подачу заявления допустимо лишь при доказанности недобросовестности и причинной связи между бездействием лица и дальнейшим ухудшением состояния должника. Если же объективно промедление не повлекло увеличения ущерба (либо лицо предпринимало все возможные меры для спасения бизнеса), основания для субсидиарной ответственности могут отсутствовать. Таким образом, ответственность за нарушение обязанности по подаче заявления о банкротстве носит более формально определённый, но одновременно ограниченный характер: она призвана мотивировать контролирующих лиц не

¹ По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439423/ (дата обращения: 01.12.2025).

затягивать с процедурой банкротства, однако реализуется при условии доказанного виновного бездействия, повлекшего дополнительные убытки кредиторов.

Отдельно следует рассмотреть случаи, когда привлечение участника ООО к субсидиарной ответственности возможно без возбуждения дела о банкротстве. Речь идёт о ситуациях, когда юридическое лицо фактически прекращает деятельность и исключается из ЕГРЮЛ в административном порядке как недействующее, минуя судебную процедуру несостоятельности. Ранее недобросовестные собственники нередко злоупотребляли этой лазейкой: компания намеренно прекращала сдавать отчётность и осуществлять операции, налоговый орган через год признавал её недействующей и ликвидировал, а долги перед кредиторами фактически «сгорали» вместе с фирмой. Для противодействия таким практикам законодатель и суды выработали механизм внебанкротной субсидиарной ответственности, который применяется при доказанности недобросовестных действий контролирующих лиц, приведших к невозможности погашения долгов компании¹. Важно отметить, что сам факт исключения компании из ЕГРЮЛ не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. Кредитор обязан доказать недобросовестность контролирующих лиц, а не просто сослаться на факт ликвидации.

Гражданский кодекс РФ (п. 3 ст. 64.2) устанавливает, что административное исключение компании из ЕГРЮЛ не освобождает контролировавших её лиц от ответственности по непогашенным обязательствам, если их действия были недобросовестными или неразумными. Закон об ООО² (п. 3.1 ст. 3) прямо разрешает кредитору требовать привлечения бывших участников и руководителей к субсидиарной ответственности по долгам ликвидированного ООО, если неисполнение обязательств общества

¹ Лаптев В. А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 169.

² Об обществах с ограниченной ответственностью (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

обусловлено их недобросовестными или неразумными действиями. Такой иск подаётся в арбитражный суд в общем исковом порядке и рассматривается как корпоративный спор, а не дело о банкротстве. Для привлечения к ответственности необходимо доказать совокупность следующих условий: наличие неисполненных обязательств общества перед кредитором; исключение общества из ЕГРЮЛ в административном порядке; недобросовестность или неразумность действий контролирующих лиц; причинно-следственная связь между действиями контролирующих лиц и невозможностью погашения требований кредиторов. Условия привлечения во многом схожи с банкротными, но в случае исключения из ЕГРЮЛ кредитор должен самостоятельно доказать недобросовестность контролирующих лиц, тогда как в банкротстве может применяться презумпция вины при определённых обстоятельствах.

Верховный Суд РФ в обзоре практики 2025 года¹ разъяснил ряд принципиальных моментов по таким спорам. Во-первых, распределено бремя доказывания: истец-кредитор должен подтвердить наличие задолженности, статус организации как недействующей (отсутствие деятельности более года) и факт контроля ответчика над компанией. Не обязательно при этом иметь на руках судебное решение о взыскании долга – кредитор вправе прямо в рамках данного процесса доказать размер и обоснованность своего требования. Во-вторых, формальное исключение из ЕГРЮЛ не является обязательным условием: достаточно показать, что предприятие де-факто прекратило деятельность и не платит по долгам – ждать официальной ликвидации необязательно. В-третьих, если ответчик (бывший участник или директор) уклоняется от раскрытия информации о финансовых делах ликвидированной фирмы, действует презумпция причинной связи: предполагается, что долговая яма образовалась по его вине. Таким образом, злоупотребление правом на

¹ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «19» ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/34902/> (дата обращения: 01.12.2025).

упрощённую ликвидацию («брошенный бизнес») оборачивается для контролирующих лиц риском личной имущественной ответственности.

Отдельно Верховный Суд обратил внимание на круг потенциальных ответчиков и сроки. Миноритарные участники (владельцы небольшого пакета акций компании, который не даёт ему возможности напрямую влиять на управление бизнесом) обычно не несут ответственности: обладание незначительной долей само по себе не свидетельствует о контроле, и по умолчанию совладельцы с небольшим пакетом не признаются контролирующими должника лицами (далее по тексту – КДЛ) недействующей компании¹.

Действительно, п. 6 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» прямо указывает, что лицо, владеющее менее 10% капитала, не может считаться контролирующим лишь на этом основании. Однако это не исключает его ответственности, если доказано фактическое влияние на деятельность должника. Рядовой участник, не влиявший на управление, действительно не подвергается риску субсидиарной ответственности. Напротив, номинальные собственники (подставные учредители) или формальные директора могут привлекаться к ответственности, если через них действовали бенефициары компании. При этом номинальные руководители не освобождаются от ответственности автоматически – им необходимо доказать свою добросовестность и отсутствие влияния на принятие решений².

Срок исковой давности для внебанкротного иска исчисляется с момента, когда кредитор узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения контролирующих лиц. Однако этот срок ограничен тремя годами со дня признания должника банкротом или прекращения конкурсного производства, а также десятью годами со дня совершения действий

¹ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «19» ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/thematics/34902/> (дата обращения: 01.12.2025).

² Субсидиарка номинальных руководителей: тенденции практики [Электронный ресурс] // Русбанкрот: [сайт]. URL: <https://goo.su/1tNtwmL> (дата обращения: 01.12.2025).

(бездействия), являющихся основанием для привлечения к ответственности (п. 5 ст. 61.14 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Сам факт исключения компании из реестра не подлежит оспариванию лишь из-за наличия долга. Правильным средством защиты кредитора признано требование к контролирующим лицам. На рубеже 2024-2025 гг. сложилась устойчивая судебная практика, обеспечивающая кредиторам средство восстановления справедливости. Суды всё чаще акцентируют внимание на реальном контроле над компанией, а не только на формальных признаках. Даже миноритарии могут быть привлечены к ответственности, если фактически управляли компанией или контролировали финансовые потоки. Таким образом, брошенные с долгами фирмы фактически не дают недобросовестным собственникам уйти от уплаты – долг «шагает» вслед за ними».

В рамках института субсидиарной ответственности законодателем предусмотрен широкий круг субъектов, обладающих правом на обращение с заявлением о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц. К ним относятся: конкурсные кредиторы; арбитражный управляющий; работники должника (в том числе бывшие); уполномоченные органы (налоговые органы и иные государственные структуры, выступающие кредиторами по публичным обязательствам). Такое расширение субъектного состава направлено на обеспечение эффективной защиты прав кредиторов и повышение вероятности выявления лиц, чьи действия (или бездействие) привели к банкротству организации. Учитывая, что вопросы правового статуса и роли арбитражного управляющего в деле о банкротстве были подробно рассмотрены в предыдущем пункте настоящего исследования, целесообразно сосредоточить внимание на анализе полномочий налоговых и иных уполномоченных органов как специальных субъектов, реализующих право на обращение с заявлением о субсидиарной ответственности в рамках публичных правоотношений.

На практике именно налоговый орган часто становится инициатором подобных дел, выявляя признаки преднамеренного банкротства или фиктивной

ликвидации (пример – дело гражданки Ваулиной, где налоговый орган успешно привлёк единственного участника и руководителя к ответственности по долгам ООО)¹.

Законодательство предусматривает механизмы, стимулирующие активное участие конкурсных управляющих и кредиторов (как частных, так и государственных) в разбирательствах о субсидиарной ответственности. К таким механизмам относятся право требования, доступ к документам должника, возможности по сбору доказательств и другие процессуальные инструменты.

Последние изменения в законодательстве (ФЗ № 208-ФЗ от 22.07.2024) внесли коррективы в регулирование субсидиарной ответственности. В частности, Агентство по страхованию вкладов (российская государственная корпорация, созданная в январе 2004 года на основании Федерального закона от 23 декабря 2003 г. №177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации») получило право выкупать требования о субсидиарной ответственности, если они не были реализованы на торгах, по цене 50% от начальной. Также внесены изменения в порядок уведомления кредиторов о праве распоряжения требованием².

Что касается прав кредиторов, то с 2024 года они получили больше возможностей влиять на процесс взыскания задолженности с КДЛ. Например, кредиторы могут выбирать способ распоряжения правом требования о субсидиарной ответственности (через голосование), что позволяет им активнее участвовать в процессе. Верховный Суд в своей практике акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к определению размера субсидиарной ответственности. Например, при рассмотрении дел о налоговых долгах суд учитывает реальный вред, причинённый бюджету, и может

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 № 50-П [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407803503/> (дата обращения: 01.12.2025).

² О внесении изменений в статьи 61.17 и 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 19 и 39 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.07.2024 № 208-ФЗ [Электронный ресурс] . URL: <https://goo.su/Lb0S5X> (дата обращения: 01.12.2025).

пересматривать судебные акты, влияющие на расчёт задолженности¹.

Таким образом, законодательство и судебная практика направлены на достижение баланса интересов: с одной стороны, облегчить кредиторам взыскание долгов с виновных лиц, с другой – предоставить КДЛ процессуальные гарантии для защиты от необоснованных претензий.

Дела о субсидиарной ответственности участников традиционно рассматриваются арбитражными судами, которые выработали особые подходы к анализу доказательств и виновности. Отличительной чертой таких споров является перераспределение бремени доказывания: кредитору достаточно установить базовые факты (наличие долга, статус должника как банкрота или недействующего лица, контроль со стороны ответчика). После этого бремя опровержения презумпции вины переходит на контролирующее должника лицо (КДЛ), которое должно доказать отсутствие своей вины или отсутствие причинной связи между своими действиями и ущербом кредиторов.

Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что КДЛ не заинтересованы в раскрытии всех деталей деятельности компании, поэтому закон возлагает на них обязанность активного процессуального поведения. Уклонение от сотрудничества (непредоставление документов, неполные пояснения) играет против ответчика. Например, если участник не представил суду документов и не объяснил, почему у ликвидированного ООО не оказалось средств, суд может презюмировать, что это результат его недобросовестных действий². Суды ориентируются не на формальные статусы, а на фактическое поведение и влияние участника на деятельность должника. Важнейший критерий – добросовестность и разумность действий КДЛ. Согласно п. 10 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», КДЛ не несёт субсидиарной

¹ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2025. №2.

² Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «19» ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. –URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/34902/> (дата обращения: 01.12.2025).

ответственности, если докажет отсутствие вины, то есть что действовало добросовестно и разумно в интересах должника и его участников, не нарушая прав кредиторов, и предприняло все меры для предотвращения большего ущерба. Это внедрение в материальное право концепции бизнес-решения, совершённого в условиях добросовестности: например, если участник пытался спасти компанию, привлекал инвесторов или предлагал план реструктуризации, он не должен наказываться за неудачу при условии соответствия своих действий обычным условиям оборота. Однако бремя доказывания такой безупречности лежит на самом участнике.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 50-П от 30.10.2023¹ уточнил, что размер субсидиарной ответственности должен соизмеряться с виной и причинённым ущербом. Взыскание всей суммы долга с лица возможно лишь при доказанной причинно-следственной связи между его поведением и банкротством. При меньшей степени вины размер ответственности подлежит снижению. Суд должен учитывать также последующее поведение участника: например, содействие в возвращении активов или добровольное частичное погашение долга может рассматриваться как основание для смягчения ответственности. Пункт 11 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» позволяет КДЛ добиваться уменьшения суммы ответственности, если оно докажет, что реальный вред кредиторам по его вине существенно меньше размера непогашенных требований. В практике были случаи, когда суд снижал взыскание, учитывая, что часть долгов возникла по независимым от участника причинам или что он впоследствии помог обнаружить и реализовать имущество должника.

Значимая роль суда проявляется в корректировке возможных случаев чрезмерной строгости при применении института субсидиарной ответственности. Верховный Суд РФ неоднократно указывал нижестоящим

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 № 50-П [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407803503/> (дата обращения: 01.12.2025).

инстанциям на недопустимость автоматического привлечения к ответственности только на основании формальных признаков. В уже упоминаемом ранее деле Верховный Суд отменил решение о привлечении единственного участника к субсидиарной ответственности, основанное лишь на факте его 100% владения и руководства компанией. Нижестоящие суды посчитали этот факт достаточным основанием, однако ВС РФ подчеркнул¹, что сам по себе статус единственного участника не свидетельствует о виновном поведении. Необходимо установить конкретные действия или бездействие лица, приведшие к негативным последствиям: например, неуведомление о банкротстве, вывод активов, ведение дел с конфликтом интересов.

Таким образом, суд выполняет важную фильтрующую функцию, проверяя наличие вины и причинно-следственной связи между действиями КДЛ и наступившими последствиями. Это позволяет использовать институт субсидиарной ответственности исключительно против недобросовестных участников, не превращая его в инструмент необоснованного взыскания с лиц, формально связанных с должником.

На момент выполнения настоящего исследования можно констатировать формирование устойчивых судебных стандартов по подобным спорам, которые обеспечивают: защиту прав добросовестных кредиторов, тщательный анализ фактических обстоятельств дела, проверку наличия вины и причинно-следственной связи, гарантии от необоснованного привлечения к ответственности лиц, не причастных к корпоративным злоупотреблениям.

Такой подход позволяет достичь баланса интересов всех участников правоотношений в сфере субсидиарной ответственности.

Институт субсидиарной ответственности участников находится в тесной взаимосвязи с процедурой оспаривания подозрительных сделок должника, однако выполняет самостоятельный правовой функционал. Оспаривание сделок в банкротстве (глава III.1 «Оспаривание сделок должника» ФЗ «О

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809 по делу № А41-76337/2021 [Электронный ресурс] // ЛексАкт: сайт. URL: <https://goo.su/7Fc9ry> (дата обращения: 01.12.2025).

несостоятельности (банкротстве)» направлено на возврат имущества в конкурсную массу, тогда как субсидиарная ответственность призвана покрыть дефицит имущества за счёт виновных лиц. В ряде случаев кредиторы могут выбирать между этими инструментами, а иногда использовать их последовательно.

Законодатель предусмотрел возможность параллельного применения: привлечение к ответственности не препятствует оспариванию сделок, и наоборот. Примечательно, что подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (презумпция ответственности за вредные сделки) применяется независимо от того, были ли сами сделки признаны недействительными.

Даже если сделку не удалось оспорить (по процессуальным причинам или из-за истечения сроков), участник, в чьих интересах она совершалась, всё равно может быть привлечён к субсидиарной ответственности. Верховный Суд РФ разъяснил, что отказ в оспаривании сделки по формальным основаниям (например, пропуск исковой давности) не освобождает контролирующее лицо от ответственности¹. Такая позиция защищает кредиторов от ситуаций, когда сделка нанесла им ущерб, но вернуть активы уже невозможно – тогда ущерб компенсируется в денежной форме за счёт участника. С другой стороны, если оспоренная сделка успешно возвращает имущество, это обычно уменьшает объём непогашенных требований кредиторов и, следовательно, снижает размер субсидиарной ответственности.

Пункт 11 статьи 61.11 прямо предусматривает возможность соразмерного уменьшения ответственности, если виновное лицо докажет, что часть долгов была погашена путём возврата имущества или иного возмещения вреда. В судебной практике сформировалось правило недопущения двойного взыскания: недопустимо, например, взыскать с участника стоимость утраченного актива и одновременно обратиться на него взыскание по обязательству, погашенному

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2024 № 305-ЭС24-9873 по делу № А40-238905/2020 [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410667976/> (дата обращения: 01.12.2025).

возвращённым активом.

В недавних спорах Верховный Суд РФ подтвердил тенденцию на устранение «двойной ответственности» одного лица по совпадающим требованиям¹. Таким образом, оспаривание сделок и субсидиарная ответственность представляют собой взаимодополняющие механизмы: первый нацелен на пополнение конкурсной массы, второй – на покрытие остаточного убытка кредиторов.

Арбитражный управляющий и кредиторы вправе применять оба инструмента параллельно, выстраивая стратегию максимально полного удовлетворения требований. При этом суд учитывает все полученные кредиторами возвраты и выплаты при определении окончательной суммы, подлежащей взысканию с участников-должников, чтобы итоговое удовлетворение не превысило фактический ущерб.

Таким образом, способы привлечения участников ООО к субсидиарной ответственности можно рассматривать как многоуровневую систему, включающую различные юридические конструкции. В рамках банкротства участники отвечают за доведение компании до несостоятельности или за нарушение обязанностей при наступлении несостоятельности; во внебанкротном порядке – за злоупотребление упрощённой ликвидацией общества. Арбитражные управляющие, кредиторы и государственные органы обеспечены правовыми инструментами для инициирования таких процессов, а суды – полномочиями гибко и справедливо оценивать обстоятельства каждого дела. За последние годы судебная практика подняла этот институт на качественно новый уровень, наполнив его конкретными примерами и критериями. Значимые постановления Верховного Суда и Конституционного Суда РФ сформировали целостный подход к привлечению контролирующих лиц к ответственности. В фокусе внимания – недобросовестное поведение

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2025 № 305-ЭС20-23090(5,6) по делу № А40-65516/2017; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035(2) по делу № А52-1553/2018[Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

участников, причинение вреда кредиторам, сокрытие информации, корпоративный контроль над должником и другие признаки виновного влияния. Именно совокупность этих факторов, надлежащим образом доказанных, служит основанием для «piercing the corporate veil» по-русски, то есть возложения на участника личной обязанности рассчитаться по долгам своего общества. Такой механизм, при всей своей исключительности, стал неотъемлемой частью современного банкротного и корпоративного права, выполняя одновременно компенсаторную, превентивную и воспитательную роль в отношении участников хозяйственных обществ.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА ОТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

3.1 Защита участников ООО от привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве

В делах последних лет о банкротстве прослеживается стремление судов, и прежде всего Верховного Суда РФ, обеспечить справедливый баланс между интересами кредиторов и защитой добросовестных участников (учредителей) должника. С одной стороны, закреплены строгие презумпции вины контролирующих лиц, дисциплинирующие корпоративное управление. С другой стороны, судебная практика выработала механизмы, позволяющие участникам общества избежать необоснованного привлечения к ответственности, если их вина и причинная связь между их действиями и банкротством не доказаны надлежащим образом¹. Проанализируем актуальные правовые позиции, защищающие участников должника, и приведём примеры, как они реализуются на практике. Кроме того, кратко рассмотрим зарубежный опыт (Германия, Франция, США) в части ограничений личной ответственности участников при несостоятельности компании. На основе анализа будут выявлены проблемные вопросы правоприменения, и сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства с целью усиления гарантий для добросовестных участников ООО.

Российские суды стабильно исходят из того, что к субсидиарной ответственности могут привлекаться только лица, чьи противоправные действия непосредственно обусловили несостоятельность должника. Данная позиция защищает участников общества от необоснованных исков: если банкротство наступило вследствие объективных причин либо действий иных

¹ См.: Определения ВС РФ от 19.04.2022 № 305-ЭС21-27211, от 30.09.2020 № 306-ЭС20-13650, от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439 и от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079, от 02.07.2024 № 303-ЭС24-372 по делу № А59-576/2022[Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

лиц, участник не должен нести личную ответственность. На практике это означает, что отсутствие причинно-следственной связи между поведением участника и невозможностью расчётов с кредиторами является самостоятельным основанием для отказа в привлечении к ответственности.

Так, в деле о банкротстве ООО «ТехИнновации» суды трех инстанций отказали во взыскании с бывшего участника, указав, что кредитор не доказал ни противоправности и вины данного лица, ни влияния его действий на наступление банкротства; напротив, установлено, что экс-руководитель частично гасил задолженность из собственных средств, что исключает презумпцию недобросовестности¹. Таким образом, участие участника в погашении долгов должника и отсутствие новых обязательств после наступления признаков кризиса позволили ему избежать субсидиарной ответственности.

Верховный Суд в ряде актов подчеркнул недопустимость формального подхода при рассмотрении требований о привлечении контролирующих лиц. Суды обязаны всесторонне исследовать все существенные обстоятельства, включая масштаб бизнеса должника, поведение участников и наличие у них выгоды от спорных операций². Если кредитор представил совокупность косвенных доказательств недобросовестных действий участника, суд должен оказать содействие в истребовании более конкретных доказательств, вместо того чтобы сразу отказывать в иске. Это связано с объективным неравенством доступа к информации: кредитор обычно не имеет доступа к внутренней документации компании, тогда как контролирующие должника лица обладают всей полнотой данных³. Соответственно, Верховный Суд разъяснил, что при наличии у истца убедительных косвенных указаний на вину контролирующего

¹ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 марта 2024 г. по делу № А56-115623/2023 [Электронный ресурс] // СудАкт: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kfeWlASK6CJx/> (дата обращения: 25.11.2025).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2024 № 305-ЭС19-27802(6,7,8,9) по делу № А40-166456/2018 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

³ Обзор позиций Верховного Суда РФ и других новостей в сфере субсидиарной ответственности в банкротстве за лето-осень 2024 года [Электронный ресурс] // Субсидиарная ответственность в банкротстве: [сайт]. URL: <https://goo.su/v6xm1c> (дата обращения: 01.12.2025).

лица бремя опровержения переносится на ответчика-участника. Последний, чтобы защититься, должен раскрыть документы и дать внятные объяснения относительно реальной деятельности должника и причин его банкротства. Иными словами, пассивное поведение участника играет против него: если контролирующее лицо отказывается представить бухгалтерские документы, не поясняет движений средств или уклоняется от явки, суд вправе презюмировать, что именно его виновные действия привели к невозможности расчётов с кредиторами.

Данная позиция стимулирует добросовестных участников к активной защите: открыто представить доказательства своей правоты, чтобы опровергнуть обвинения. Практика показывает, что такой подход работает. Так, Судебная коллегия ВС РФ в сентябре 2025 г. взяла к рассмотрению дело вышеупомянутого ООО «ТехИнновации», указав, что нижестоящие суды недостаточно исследовали судьбу имущества должника и создание «зеркальной» компании новым бенефициаром¹. Фактически Верховный Суд сигнализировал: если участник утверждает, что истинным выгодоприобретателем он не был, либо ссылается на объективные причины банкротства, суд должен проверить эти версии, а не возлагать весь риск неполноты доказательств на кредитора.

Защитное значение разъяснений Верховного Суда проявляется в сужении круга потенциально ответственных лиц. Важный аспект заключается в том, что незначительная по масштабам ущерба сделка не может автоматически квалифицировать выгодоприобретателя как контролирующее лицо должника². Иными словами, если полученная участником выгода несоразмерна масштабам деятельности должника, это не является достаточным основанием для признания его определяющим деятельность организации лицом. Данное положение обеспечивает защиту миноритарных и формальных участников от

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2025 г. по делу № А56-11260/2023 [Электронный ресурс] // СудАкт: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/vsrff/doc/KXS8mA2iWfgj/> (дата обращения: 01.12.2025).

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2024 № 305-ЭС18-19945(20) по делу № А40-196703/2016 [Электронный ресурс] // СудАкт: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/vsrff/doc/KXS8mA2iWfgj/> (дата обращения: 01.12.2025).

необоснованного привлечения к ответственности по факту единичной малозначительной сделки.

Особое внимание уделяется анализу схем «центр прибыли – центр убытков». Верховный Суд подчеркивает необходимость комплексного подхода: важно учитывать не только сам факт перераспределения прибыли между структурами, но и экономическую обоснованность такого перераспределения относительно затрат принимающей структуры. Ключевое значение имеет доказательство существенной диспропорции между прибылью одного общества и убытками другого, а также установление прямой причинно-следственной связи между этими показателями. При этом простое наличие у участника прибыльного аффилированного бизнеса не может служить основанием для возложения на него ответственности – требуется доказать системный характер схемы и её направленность на причинение вреда кредиторам. Дополнительным критерием выступает экономическая целесообразность операций по выводу прибыли. Участник может быть привлечён к ответственности только если будет доказано, что такие операции не имели разумного экономического обоснования и были направлены исключительно на причинение вреда кредиторам.

Защита миноритариев обеспечивается при условии, что их участие в управлении соответствует формальным полномочиям и не выходит за их пределы. Однако данное правило не распространяется на случаи, когда миноритарий является аффилированным лицом мажоритарного участника или занимает ключевые управленческие позиции.

Другой важный аспект – учёт контрдоводов ответчиков. Верховный Суд подчеркнул, что суды обязаны мотивированно оценивать все доводы и возражения сторон, обеспечивая равные процессуальные возможности для представления и исследования доказательств¹. Этот принцип направлен на устранение случаев, когда позиция участника остаётся без внимания. Например, если участник ссылается на попытки предотвратить банкротство или

¹ Определение от 14.08.2024 № 305-ЭС18-19945(20) по делу № А40-196703/2016 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

на отсутствие у него реальной возможности влиять на действия менеджмента, суд должен оценить, какие конкретные действия он предпринял и насколько они были адекватны ситуации. В одном деле Судебная коллегия отдельно отметила недопустимость отождествления даты назначения директора (или вступления участника) с датой, когда он узнал о финансовых проблемах компании¹. Новому собственнику или руководителю обычно требуется разумный срок для выявления действительного состояния дел. При этом суд оценивает, предпринял ли участник достаточные меры для ознакомления с документацией и анализа ситуации. Данное разъяснение защищает добросовестных приобретателей бизнеса. Если участник вошёл в состав общества уже на пороге кризиса, ему предоставляется возможность доказать, что проблемы возникли по вине предыдущих владельцев, а не по его умыслу. Добросовестный приобретатель должен доказать, что он не знал и не мог знать о финансовых проблемах компании на момент вступления в права, а его действия не были направлены на причинение вреда кредиторам. Пассивное поведение участника спора (непредставление возражений, игнорирование судебных заседаний) может быть расценено судом как недобросовестность, что подчёркивает необходимость активного изложения своей позиции.

Примеры защиты участников можно найти и в практике Арбитражного суда Дальневосточного округа. В недавнем постановлении по делу о группе компаний суд подчеркнул необходимость тщательного установления реальных бенефициаров и контролирующих лиц должника перед принятием решения об их ответственности². Кассационная инстанция отменила решения нижестоящих судов именно из-за недостаточного выяснения вопроса о том, кто фактически управлял бизнесом и извлекал выгоду. Кроме того, суды не дали должной оценки доводам о непередаче документов и выводе активов. Такой подход

¹ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «19» ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsr.ru/documents/thematics/34902/> (дата обращения: 01.12.2025).

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2025 № Ф03-2707/2025 по делу № А51-19490/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://goo.su/ABUr0e8> (дата обращения: 01.12.2025).

защищает номинальных участников: если формально участником значилось одно лицо, а фактически компанией управляло и выводило ресурсы другое, суд должен привлечь именно реального виновника. Статус номинального учредителя сам по себе недостаточен для привлечения к ответственности – необходимы доказательства фактического влияния на деятельность организации. Дальневосточная судебная практика соответствует общей тенденции: не наказывать формальных участников, а привлекать к ответственности реальных контролёров, даже если для этого необходимо выйти за рамки формальной структуры собственности. Важно отметить, что в этом же постановлении суд округа выделил нарушения, допущенные руководством (утрата документации, несвоевременное обращение с заявлением о банкротстве), как ключевые факторы ответственности. Для участников это служит сигналом о необходимости соблюдения корпоративной дисциплины. Наличие полного комплекта документов и прозрачной отчётности может служить защитой от обвинений в сокрытии информации и умышленном банкротстве. При этом если участник действительно не имел доступа к управлению и не мог предотвратить утрату документов (например, будучи миноритарием), такая ситуация должна учитываться как смягчающее обстоятельство.

Таким образом, актуальная судебная практика выработала ряд защитных механизмов для участников должника. К их числу относятся: требование доказать прямую связь действий участника с банкротством; готовность судов отказать в иске при недостатке доказательств виновного поведения; стремление выявлять истинных контролёров вместо наказания случайных или формальных владельцев; а также учёт добросовестного поведения участника (инициирование погашения долгов, сохранение документации, своевременная попытка реорганизации бизнеса и т.д.) как фактора, позволяющего избежать субсидиарной ответственности. Эти тенденции повышают предсказуемость для законопослушных участников ООО: их личные активы не пострадают, если они не злоупотребляли правами и действовали благоразумно.

Анализ судебной практики позволил выявить ряд проблемных аспектов, осложняющих защиту участников от необоснованной субсидиарной ответственности. Эти пробелы и противоречия требуют решения как на уровне толкования, так и посредством корректировки законодательства.

Во-первых, оценочный и чрезмерно широкий характер законодательного определения контролирующего должника лица. В соответствии с п. 1 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, которое в пределах установленного законом временного периода обладало правом давать обязательные для должника указания либо возможностью иным образом определять его действия, в том числе при заключении сделок. Вместе с тем способы реализации такой возможности описаны законодателем преимущественно через оценочные формулировки («иным образом», «оказание определяющего влияния», «по иным основаниям»), что фактически допускает отнесение к числу КДЛ весьма широкого круга лиц.

Закон содержит ряд презумпций контроля (руководитель или члены органов управления, владельцы более половины голосов, лица, получившие выгоду из незаконного или недобросовестного поведения органов должника и т.п.), а также специальное исключение: участник, владеющий менее 10 % уставного капитала и получающий лишь обычный доход от этой доли, сам по себе не признаётся контролирующим лицом. Однако иные миноритарные участники (с долей 10-49 %), формально не участвующие в управлении, прямо из круга потенциальных КДЛ не исключены. На практике это приводит к ситуациям, когда к субсидиарной ответственности привлекаются участники, чьё фактическое влияние на деятельность общества было минимальным, а статус контролирующего лица выводится в основном из формального положения в структуре капитала или органов управления. Дополнительную неопределённость создаёт подп. 3 п. 4 ст. 61.10, связывающий презумпцию контроля с извлечением выгоды из незаконного или недобросовестного поведения органов должника: Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении №

53 от 21.12.2017 разъяснил, что сама по себе экономическая выгода ещё не свидетельствует о наличии контроля, необходима совокупность доказательств, однако эти критерии закреплены лишь на уровне разъяснений, а не текста закона¹. В результате для добросовестных участников, в том числе номинальных учредителей, сохраняется значительный риск: при невозможности доказать наличие «теневого» бенефициара суд может возложить ответственность на формального участника, исходя из презумпций и широкого усмотрения при оценке факта контроля. Такая конструкция затрудняет предсказуемость правоприменения и усложняет защиту рядовых (миноритарных или номинальных) участников от необоснованного привлечения к субсидиарной ответственности.

Во-вторых, делам о субсидиарной ответственности присуща сложная доказательственная структура: заявителю необходимо реконструировать причинно-следственную связь между действиями контролирующих лиц и невозможностью погашения требований кредиторов, зачастую спустя значительный период времени. Законодатель, реформируя институт субсидиарной ответственности в 2017 г., попытался компенсировать информационную асимметрию, заложив в п. 2 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» систему опровержимых презумпций (*praesumptio juris tantum*): пока не доказано иное, считается, что неплатежеспособность наступила вследствие действий (бездействия) контролирующего лица при наличии хотя бы одного из перечисленных в норме обстоятельств. К числу таких обстоятельств относятся, в частности, причинение существенного вреда кредиторам при совершении сделок должника, отсутствие либо искажение бухгалтерской и иной обязательной документации, значительная доля требований, возникших из правонарушений, за которые должник (его руководители) привлечены к ответственности, а также

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

непредставление либо искажение обязательных сведений в государственных реестрах.

Формально презумпции носят опровержимый характер: п. 10 ст. 61.11 прямо предусматривает, что контролирующее лицо освобождается от субсидиарной ответственности, если докажет отсутствие своей вины, в том числе подтвердит, что действовало добросовестно, разумно и в пределах обычного предпринимательского риска, а негативные последствия были обусловлены внешними факторами. Пленум Верховного Суда РФ дополнительно указал на возможность ссылаться на неблагоприятную рыночную конъюнктуру, финансовый кризис, стихийные бедствия и иные события, не зависящие от контролирующего лица¹.

Однако фактическая конструкция презумпций приводит к существенному смещению центра тяжести доказывания в сторону ответчика. Так, в делах о непередаче документации Верховный Суд РФ разъяснил, что кредитору (либо конкурсному управляющему) достаточно доказать совокупность обстоятельств, входящих в презумпцию (наличие непогашенной задолженности, статус контролирующего лица, обязанность по хранению документов и факт их отсутствия или искажения). После этого именно контролирующее лицо должно представить убедительные объяснения причин утраты документов и доказательства своей добросовестности; в противном случае презумпция сохраняет силу и ведёт к привлечению к ответственности².

Проблемным представляется не существование презумпций как таковых, а отсутствие в законе детализированных критериев их опровержения и процессуальных гарантий защиты ответчика. Норма п. 10 ст. 61.11 формулирует общий тест «отсутствия вины» и «обычного делового риска», но не раскрывает, какие именно доказательства и в каком объёме могут считаться

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

² Бибилов С. Ю. ВС РФ напомнил о недопустимости номинального управления бизнесом [Электронный ресурс] // Проблемы привлечения бенефициаров юрлиц-банкротов к субсидиарной ответственности. URL: <https://goo.su/5440q> (дата обращения: 01.12.2025).

достаточными, какой стандарт доказывания применяется и как суд должен учитывать сочетание внутренних и внешних причин банкротства. В результате добросовестный участник или руководитель, оказавшийся в ситуации утраты документов вследствие объективных обстоятельств (например, аварии, пожара, ликвидации архивохранилища контрагента), формально получает возможность опровергнуть презумпцию, но фактически сталкивается с высокой планкой доказывания и риском того, что собрать необходимые подтверждения постфактум окажется невозможно. Дополнительную сложность создаёт и то, что суды активно используют механизм содействия заявителю в получении доказательств, тогда как специальные указания на аналогичное содействие ответчику в истребовании оправдательных документов из-под контроля уже ликвидированного должника или третьих лиц в законодательстве отсутствуют; он вынужден опираться лишь на общие процессуальные нормы. Это усиливает ощущение дисбаланса презумпций, когда бремя опровержения и риск недоказанности практически полностью лежат на контролирующем лице, даже если его вина в доведении до банкротства носит минимальный либо спорный характер

В-третьих, ответственность бывших участников и разделение ролей при смене контроля. В силу п. 1 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» контролирующим должника лицом признается лицо, имевшее либо имеющее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства (неплатежеспособности и/или недостаточности имущества), а также после их возникновения до принятия заявления о признании должника банкротом, право давать обязательные для должника указания либо возможность иным образом определять его действия. Таким образом, лицо, которое уже выбыло из состава участников или перестало быть руководителем к моменту возбуждения дела о банкротстве, формально сохраняет статус потенциального КДЛ, если оно контролировало должника в указанный трехлетний период.

Практически это создает целый блок проблем. Установление момента возникновения признаков банкротства носит оценочный характер и во многом

зависит от выводов экспертов и суда. Бывший участник может исходить из того, что в момент его выхода должник оставался платежеспособным, однако впоследствии при анализе бухгалтерской отчетности и движения денежных средств суд приходит к выводу, что признаки банкротства появились ранее, чем он прекратил участие. В результате экс-участник ретроспективно оказывается в зоне риска привлечения к субсидиарной ответственности за несвоевременное обращение в суд и иные управленческие решения периода его контроля.

При последовательной смене собственников и руководителей в пределах трехлетнего периода закон фактически исходит из солидарного характера ответственности: если невозможность полного погашения требований кредиторов стала следствием действий (бездействия) нескольких КДЛ, они отвечают перед кредиторами солидарно (п. 8 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Нормы закона содержат лишь общие положения о возможности уменьшения размера субсидиарной ответственности либо освобождения от нее при отсутствии вины или номинальном характере контроля (пп. 9, 10 ст. 61.11), но не устанавливают специальных критериев распределения ответственности между лицами, контролировавшими должника в разные временные периоды. На практике это приводит к тому, что бывший участник рискует отвечать в полном объеме наряду с последующими собственниками и менеджментом, даже если ключевые решения, доведшие должника до несостоятельности (например, вывод оставшихся активов или перевод бизнеса в «зеркальную» компанию), принимались уже после его выхода.

Судебная практика последних лет демонстрирует одновременно и стремление Верховного Суда к индивидуализации подхода, и усиление требований к бывшим контролирующим лицам. Так, в уже упомянутом ранее деле о банкротстве ООО «ТехИнновации» Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя акты об отказе в привлечении бывшего участника и руководителя, указала на необходимость оценить причины банкротства и дать правовую оценку

переводу бизнеса в новую компанию, фактически возложив на экс-собственника обязанность подробно обосновать добросовестность своих решений при смене юрлица и структуры владения¹. Одновременно в Обзоре практики по делам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица² подчеркивается, что сам по себе статус единственного участника и руководителя не является достаточным основанием для возложения ответственности: необходимо доказать нарушение принципа обособленности имущества и причинно-следственную связь между поведением контролирующего лица и невозможностью расчетов с кредиторами.

Таким образом, проблемность регулирования проявляется не в самом факте возможного привлечения бывших участников – он прямо предусмотрен законом, – а в отсутствии четких законодательно закрепленных критериев временной дифференциации ответственности между последовательными контролирующими лицами. Закон ограничивается общими конструкциями солидарной ответственности и возможностью ее снижения при доказанном отсутствии вины, не обязывая суд прямо сопоставлять состояние должника на момент прекращения участия конкретного лица с последующим ухудшением его финансового положения. Это оставляет широкое пространство для усмотрения суда и порождает для бывших участников риск быть привлеченными к субсидиарной ответственности за последствия решений, принятых уже их правопреемниками.

В-четвертых, видится необходимым выделить такую проблему, как недостаточная выраженность стимулирующих норм для добросовестного поведения участников. Конструкция субсидиарной ответственности в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в основном ориентирована на выявление и

¹ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 марта 2024 г. по делу № А56-115623/2023 [Электронный ресурс] // СудАкт: [сайт]. URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/kfeWlASK6CJx/](https://sudact.ru/arbitral/doc/kfeWlASK6CJx/) (дата обращения: 01.12.2025).

² См.: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «19» ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/34902/> (дата обращения: 01.12.2025).

наказание виновных лиц, тогда как элементы поощрения добросовестного поведения носят точечный и оценочный характер. Закон действительно предусматривает возможность смягчения последствий для отдельных категорий контролирующих лиц: в частности, арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица, которое помогло выявить фактического бенефициара и (или) скрытое имущество (п. 9 ст. 61.11), допускает освобождение КДЛ при доказанном отсутствии его вины и действии в условиях обычного предпринимательского риска (п. 10 ст. 61.11), а также требует соотносить размер ответственности с реально причинённым по вине лица вредом (п. 11 ст. 61.11). Однако эти положения сформулированы предельно общо и не превращаются в чёткие «правила игры», следование которым гарантированно приводит к освобождению или существенному снижению ответственности.

Так, действующее регулирование не связывает добровольное погашение значительной части задолженности перед кредиторами с заранее определёнными правовыми последствиями для объёма субсидиарной ответственности. Добровольные выплаты контролирующего лица учитываются, по сути, лишь опосредованно – через уменьшение остатка неудовлетворённых требований и оценку его добросовестности в рамках пунктов 10 и 11 статьи 61.11 и разъяснений Постановления Пленума ВС РФ № 53¹. В результате в практике возможны расходящиеся подходы: одни суды рассматривают значительное пополнение конкурсной массы за счёт личных средств участника как основание для отказа в применении презумпций недобросовестности и для снижения ответственности, другие ограничиваются формальным определением размера «субсидиарки» исходя из остатка неудовлетворённых требований, не придавая решающего значения добровольным платежам.

¹ См.: О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

Аналогичная проблема наблюдается и в части своевременного инициирования процедуры банкротства. Статья 61.12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закрепляет ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника и привязывает её к обязательствам, возникшим после истечения установленного законом срока подачи заявления. При соблюдении этого срока формально не возникает состава ответственности по статье 61.12, однако Закон не содержит специальной «поощрительной» нормы, которая прямо устанавливала бы, что своевременная подача заявления, раскрытие информации кредиторам и принятие мер по ограничению ущерба образуют иммунитет от субсидиарной ответственности по иным основаниям (например, по ст. 61.11). Вопрос о том, достаточны ли такие действия для признания отсутствия вины контролирующего лица, оставлен на усмотрение суда.

В целом регулирование остаётся преимущественно-карательным: детально прописаны основания и объём ответственности, но не сформулированы однозначные, количественно и качественно определённые критерии поведения, следование которым обеспечивало бы предсказуемое уменьшение или исключение личной ответственности участников. Механизмы, которые потенциально могут использоваться как «позитивный стимул» (например, заключение соглашения с кредиторами о прощении долга или его части по ст. 61.21 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), зависят прежде всего от усмотрения кредиторов и не привязаны к выполнению контролирующим лицом заранее обозначенных в законе требований. В результате у добросовестных участников и руководителей отсутствуют чёткие ориентиры, какие конкретные шаги (по добровольному погашению задолженности, сотрудничеству с конкурсным управляющим, своевременному обращению в суд) гарантированно позволят минимизировать риск субсидиарной ответственности, что снижает превентивный потенциал института.

Перечисленные проблемные вопросы в совокупности свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития законодательства и разъяснений высших судебных инстанций. Задача состоит в том, чтобы придать институту субсидиарной ответственности более адресный характер (чтобы ответственность нес, прежде всего, действительно виновный контролирующий субъект) и одновременно повысить его прозрачность, установив понятные «дорожные карты» добросовестного поведения, при следовании которым участники могут разумно рассчитывать на снижение либо исключение личной ответственности.

Учитывая изложенные выше проблемные аспекты, представляется целесообразным внести следующие изменения и дополнения в нормативно-правовые акты. Каждое предложение направлено на укрепление гарантий для участников ООО, не причастных к недобросовестным действиям, и одновременно на повышение эффективности взыскания с реальных виновников.

С целью решения такой проблемы, как оценочный и чрезмерно широкий характер законодательного определения контролирующего должника лица, позволяющий на практике относить к числу контролирующих лиц пассивных и (или) номинальных участников исключительно по формальному статусу участника либо по факту извлечения экономической выгоды без установления их реального влияния на деятельность должника, предлагается внести следующие изменения в статью 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: дополнять статью 61.10 пунктом 7 следующего содержания: «7. Лицо не может быть признано контролирующим должника лицом исключительно на основании того, что оно являлось участником (акционером, пайщиком) должника либо входило в состав его органов управления и осуществляло принадлежащие ему права в пределах обычного корпоративного участия, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 4 настоящей статьи. Признание такого лица контролирующим должника лицом допускается при наличии доказательств того, что оно

фактически определяло действия должника либо извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Предлагаемое позволит сузить круг лиц, признаваемых контролирующими должника, за счёт исключения случаев, когда статус контролирующего выводится лишь из формального положения в структуре капитала или органов управления либо из самого факта получения экономической выгоды; будет способствовать унификации и предсказуемости судебной практики, законодательному закреплению выработанного Верховным Судом подхода к разграничению формального и фактического контроля, а также усилит персонифицированный характер субсидиарной ответственности, концентрируя её на лицах, реально определявших действия должника и злоупотреблявших своим корпоративным положением.

С целью решения такой проблемы, как отсутствие в статье 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (банкротстве) нормативно закреплённой дифференциации по степени вины контролирующего должника лица, что в сочетании с широким применением опровержимых презумпций приводит к смещению центра тяжести доказывания на ответчика и создаёт риск привлечения к субсидиарной ответственности при обычной неосторожности и в условиях обычного предпринимательского риска, предлагается внести следующие изменения в пункт 1 статьи 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: изложить абзац первый пункта 1 статьи 61.11 в следующей редакции: «1. Если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, совершённых умышленно или по грубой неосторожности, такое лицо несёт субсидиарную ответственность по обязательствам должника».

Предлагаемое позволит нормативно закрепить, что субсидиарная ответственность по статье 61.11 является мерой реагирования на наиболее тяжкие формы виновного поведения контролирующего лица (умысел и грубую

неосторожность), а не на любой просчёт в управлении; тем самым будет ограничена возможность привлечения к ответственности за добросовестные, но неудачные бизнес-решения и за простую небрежность в условиях обычного предпринимательского риска. Установление повышенного порога вины конкретизирует общее правило о вине контролирующего лица, уже закреплённое в пункте 10 статьи 61.11, и согласуется с конституционно-правовым подходом, исходящим из необходимости учитывать виновный характер поведения КДЛ при привлечении к субсидиарной ответственности. Одновременно это сузит сферу действия презумпций, предусмотренных пунктом 2 статьи 61.11: даже при их срабатывании суд будет обязан оценивать наличие именно умышленных действий или грубой неосторожности по совокупности обстоятельств дела, что снизит риск автоматического возложения ответственности при формальном наличии одного из презюмирующих оснований (например, утраты документации). В результате будет повышена предсказуемость правоприменения и баланс интересов кредиторов и контролирующих лиц: с одной стороны, сохранится возможность привлечения к субсидиарной ответственности лиц, сознательно выводивших активы или проявивших вопиющую небрежность; с другой – добросовестные участники и руководители получают более чёткий ориентир, что само по себе наличие неблагоприятного исхода бизнеса при отсутствии умысла и грубой неосторожности не должно вести к обращению взыскания на их личное имущество.

В целях разрешения проблемы фактически автоматического применения презумпции виновности контролирующего должника лица при отсутствии или искажении бухгалтерской и иной обязательной документации должника независимо от причин её утраты и принятых мер по сохранности, что на практике приводит к возложению субсидиарной ответственности и на добросовестных участников и руководителей, столкнувшихся с утратой документов по объективным обстоятельствам (пожар, противоправные действия третьих лиц, недобросовестное поведение предшествующего

руководителя и др.), представляется целесообразным внести точечные изменения в подпункт 2 пункта 2 статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а именно, предлагается дополнить подпункт 2 пункта 2 статьи 61.11 абзацем следующего содержания: «Презумпция, предусмотренная настоящим подпунктом, применяется с учётом пункта 10 настоящей статьи и не подлежит применению, в частности, если контролирующее должника лицо докажет, что утрата или искажение указанных документов произошли помимо его воли при принятии им разумных мер по их сохранности».

Предлагаемое дополнение не вводит нового самостоятельного основания освобождения от субсидиарной ответственности, а нормативно фиксирует возможность опровержения презумпции, связанной с отсутствием (искажением) документации, в ситуациях, когда контролирующее лицо предприняло разумные меры по её сохранности, но столкнулось с утратой по объективным, не зависящим от него обстоятельствам. Это обеспечивает большую дифференциацию и индивидуализацию субсидиарной ответственности за счёт разграничения умышленного сокрытия (либо грубой небрежности в ведении и хранении документов) и форс-мажорной или «наследуемой» утраты документации. Поправка усиливает системную связь презумпций, предусмотренных пунктом 2 статьи 61.11, с общим правилом об отсутствии вины контролирующего лица (пункт 10 статьи 61.11), снижает риск превращения документарной презумпции в фактически безусловное основание ответственности и даёт судам более чёткий инструмент для освобождения от ответственности добросовестных участников и руководителей, проявивших должную осмотрительность. В результате достигается баланс презумпций: неосторожное или умышленное нарушение обязанностей по ведению и хранению документации по-прежнему влечёт субсидиарную ответственность, тогда как добросовестные управленцы, столкнувшиеся с объективной утратой документов, получают реальную возможность эффективно защитить свои права.

С целью решения такой проблемы, как отсутствие нормативно закреплённого механизма поощрения контролирующих должника лиц, добровольно погашающих значительную часть задолженности должника за счёт собственного имущества, в результате чего даже добросовестные участники и руководители, фактически удовлетворившие требования кредиторов, продолжают нести полный риск привлечения к субсидиарной ответственности и (или) ответственности за убытки, предлагается внести следующие изменения в статью 61.13 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: дополнить её новым пунктом 4 следующего содержания:

«4. При рассмотрении заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в соответствии со статьями 61.11 и 61.12 настоящего Федерального закона либо заявления о взыскании убытков по настоящей статье арбитражный суд с учётом степени удовлетворения требований кредиторов, причин возникновения неплатёжеспособности должника и поведения указанного лица вправе освободить его от ответственности либо уменьшить её размер, если будет установлено, что до вынесения судебного акта по указанному заявлению данное лицо за счёт принадлежащего ему имущества самостоятельно удовлетворило существенную часть требований кредиторов должника либо предоставило имущество для их удовлетворения. Положения настоящего пункта не применяются, если будет установлено, что соответствующие платежи произведены за счёт имущества должника».

Предлагаемое дополнение носит поощрительный характер и не изменяет базовых предпосылок наступления субсидиарной ответственности и ответственности за нарушение законодательства о несостоятельности, закреплённых в статьях 61.11-61.13 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». По своей сути оно не вводит качественно нового основания освобождения от ответственности, а нормативно фиксирует возможность учёта активного добросовестного поведения контролирующего лица, которое в настоящее время лишь фрагментарно принимается судами во внимание при оценке вины и

размера подлежащих взысканию сумм, но не имеет специального законодательного оформления. Вместе с тем предлагаемая норма не дублирует действующие положения пункта 9 статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривающего возможность уменьшения или освобождения от субсидиарной ответственности в отношении номинальных руководителей, содействующих выявлению фактически контролирующего лица, и пункта 10 статьи 61.11, устанавливающего общий принцип освобождения контролирующего должника лица при отсутствии его вины. В отличие от указанных конструкций, проектируемый пункт 4 статьи 61.13 ориентирован на поощрение активного «исправительного» поведения контролирующего лица, выразившегося в добровольном удовлетворении существенной части требований кредиторов за счёт принадлежащего ему имущества, и закрепляет данное обстоятельство в качестве самостоятельного основания для смягчения либо исключения как субсидиарной, так и деликтной ответственности.

Одновременно формулировка содержит встроенный механизм противодействия злоупотреблениям: освобождение или уменьшение ответственности исключается в случаях, когда погашение задолженности фактически произведено за счёт имущества самого должника. Тем самым сохраняется компенсаторная природа субсидиарной и деликтной ответственности и обеспечивается реальное, а не формальное удовлетворение интересов кредиторов. В итоге предлагаемый механизм позволяет сбалансировать карательно-превентивный потенциал конструкций главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с инструментами позитивной мотивации контролирующих лиц: грубое или умышленное нарушение обязанностей по ведению дел должника по-прежнему может повлечь взыскание в полном объёме, однако контролирующие лица, которые ещё до разрешения спора фактически восстановили имущественное положение кредиторов за счёт собственных средств, получают законодательно закреплённую возможность освобождения либо существенного смягчения ответственности.

С целью решения такой проблемы, как отсутствие в тексте ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» чётко закреплённого механизма дифференциации субсидиарной ответственности нескольких контролирующих должника лиц, последовательно осуществлявших контроль над одним должником, в результате чего на практике ответственность нередко возлагается на них солидарно по принципу «коллективной вины» вне зависимости от периода и характера их участия в управлении, что приводит к несоразмерному возложению обязанности по погашению требований кредиторов на отдельных лиц и затрудняет учёт реального вклада каждого контролирующего лица в доведение должника до банкротства, предлагается внести следующие изменения в статью 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», изложив пункт 8 статьи 61.11 в следующей редакции:

«8. Если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия нескольких контролирующих должника лиц, указанных в настоящей статье, такие лица несут субсидиарную ответственность перед кредиторами:

солидарно – в случаях, когда их действия (бездействие) совершены совместно либо когда действия (бездействие) каждого из них независимо друг от друга были достаточны для наступления невозможности полного погашения требований кредиторов;

в долях – в случаях, когда несколько контролирующих должника лиц действовали независимо друг от друга и действий (бездействия) каждого из них в отдельности было недостаточно для наступления невозможности полного погашения требований кредиторов, но совокупность таких действий (бездействия) привела к указанному результату. В этом случае арбитражный суд распределяет совокупный размер субсидиарной ответственности между такими лицами пропорционально размеру причиненного каждым из них вреда, а при невозможности его определения – пропорционально периодам осуществления ими фактического контроля над должником».

Предлагаемое изменение направлено на индивидуализацию субсидиарной ответственности в ситуациях, когда к банкротству должника привели действия (бездействие) нескольких контролирующих лиц, последовательно или параллельно осуществлявших контроль над должником. В действующей редакции пункта 8 статьи 61.11 Закон о банкротстве закрепляет лишь общий принцип солидарной ответственности таких лиц, что в сочетании с практикой привлечения «линейки» контролирующих должника лиц приводит к возложению всей суммы ответственности на всех привлекаемых лиц либо, напротив, к отказу в привлечении в случаях, когда суд не видит возможности справедливо распределить их вклад.

Проектируемая редакция пункта 8 статьи 61.11, опираясь на подход, уже отражённый в пунктах 20-22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53¹, придаёт нормативный характер сложившемуся разграничению случаев солидарной и долевой ответственности нескольких контролирующих лиц. Солидарная ответственность сохраняется при совместной виновности либо при самостоятельной достаточности действий каждого контролирующего лица для возникновения невозможности полного погашения требований кредиторов, тогда как в ситуациях, когда совокупный результат наступил вследствие независимых действий нескольких контролирующих лиц, каждое из них отвечает в доле, определяемой исходя из размера причинённого им вреда, а при невозможности его установления – исходя из периода фактического контроля над должником. Такой подход позволяет более точно отразить причинный вклад каждого контролирующего лица и устранить практику фактической «коллективной вины» при последовательной смене собственников и руководителей.

В результате обеспечивается более справедливое и предсказуемое распределение субсидиарной ответственности между несколькими

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).

контролирующими лицами, реализуются общие принципы гражданско-правовой ответственности, предполагающие возложение на лицо обязанности возместить вред в пределах его вины и причинённого ущерба, а также повышается прозрачность правового режима смены контролирующих должника лиц: прежние контролирующие лица отвечают за тот период и тот объём действий, который действительно повлиял на доведение должника до банкротства, а новые собственники не несут ответственности за злоупотребления предшественников, за исключением случаев сознательного продолжения ими недобросовестной практики.

Таким образом, можно заключить, что современная модель субсидиарной ответственности участников ООО в делах о банкротстве уже не сводится к механическому «пробиванию корпоративной вуали». Верховный Суд РФ и окружные суды последовательно формируют подход, ориентированный на выявление реальных контролирующих лиц и виновных выгодоприобретателей: требование доказать причинно-следственную связь между поведением участника и банкротством, отказ от формального приравнивания любого выгодополучателя к КДЛ, защита миноритариев и номинальных учредителей, акцент на выявлении истинных бенефициаров и оценка добросовестности и активной позиции участника (погашение долгов, сохранение документации, инициирование банкротства) сформировали важные «зоны безопасности» для добросовестных собственников бизнеса.

Вместе с тем анализ судебной практики показал, что защита участников от необоснованной субсидиарной ответственности остаётся фрагментарной и во многом опирается на разъяснения высших судов, а не на прямые нормы закона. Слишком широкое и оценочное определение контролирующего лица, жёсткие и детально не регламентированные презумпции вины, отсутствие специальных правил временной дифференциации ответственности при смене контролирующих лиц, а также слабая выраженность поощрительных механизмов для добросовестного поведения создают для участников ООО высокую степень неопределённости и риск «перестраховочного» привлечения к

ответственности формальных собственников вместо реальных организаторов вывода активов.

Предложенные в настоящем пункте исследования направления совершенствования законодательства (уточнение понятия контролирующего лица, введение повышенного порога вины (умысел и грубая неосторожность) для субсидиарной ответственности, смягчение документарных презумпций, закрепление поощрительной нормы за добровольное погашение долгов и механизмов распределения ответственности между последовательно действовавшими КДЛ) призваны придать институту более адресный, предсказуемый и стимулирующий характер. В случае их реализации баланс между интересами кредиторов и участников ООО будет обеспечиваться не только за счёт расширения возможностей взыскания, но и за счёт чётко очерченных гарантий для добросовестных участников, что соответствует как конституционным принципам справедливой ответственности, так и экономической задаче сохранения легального предпринимательского риска.

3.2 Проблема привлечения к субсидиарной ответственности участников ООО при исполнении судебного акта при банкротстве

В практике банкротства нередко возникают сложности именно на стадии исполнения судебного акта о привлечении контролирующих должника лиц (участников ООО, руководителей и др.) к субсидиарной ответственности. Даже после вынесения судом определения о взыскании с таких лиц определённой суммы в пользу конкурсной массы сохраняются проблемы реализации этого решения: как фактически взыскать средства, как соотносить исполнение за счёт контролирующего лица с конкурсным производством, как правильно распределить поступившие суммы между кредиторами и предотвратить недобросовестные манипуляции кредиторов или должника на этой стадии.

Одной из ключевых проблем исполнения является риск двойного взыскания одной и той же задолженности с контролирующего лица по разным

основаниям. Классическая ситуация возникает тогда, когда контролирующее лицо одновременно выступает поручителем по долгу должника. Банк или иной кредитор получает возможность формально предъявить к одному и тому же лицу два требования: как к поручителю и как к субсидиарному должнику по тому же основному обязательству. Если не установить специальных ограничений, такое положение вещей создаёт угрозу фактического двойного удовлетворения одного и того же долга.

Судебная практика выработала подход, направленный на предотвращение такого «двойного» взыскания. Верховный Суд РФ разъяснил¹, что требования кредитора к должнику и к контролирующему лицу, направленные на погашение одного и того же долга, но имеющие разное юридическое основание (например, поручительство и субсидиарная ответственность), должны рассматриваться как элементы единого солидарного обязательства: исполнение по одному из них погашает и другое. Более того, уступка (продажа) кредитором одного из таких требований предполагает одновременно и переход второго, если только в договоре прямо не установлено иное. В одном из дел банк уступил требование о субсидиарной ответственности третьему лицу, но продолжил добиваться исполнения судебного акта по договору поручительства; Верховный Суд признал такой подход недопустимым, указав, что оба требования направлены на удовлетворение одного и того же интереса кредитора и не могут использоваться для получения двойного удовлетворения². Указанная позиция Верховного Суда имеет важное защитное значение для участников ООО как контролирующих лиц: она пресекает попытки недобросовестных кредиторов получить исполнение дважды и закрепляет за ними статус солидарных должников по одному обязательству до полного его погашения. Вместе с тем данное разъяснение пока существует

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «25» апреля 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2025 № 305-ЭС20-23090(5,6) по делу № А40-65516/2017 [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

преимущественно на уровне судебной практики и не нашло отражения в тексте закона, а применение этих подходов судами нижестоящих инстанций остаётся не всегда единообразным. Это означает, что риск злоупотреблений на стадии исполнения судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности не может считаться полностью устранённым и продолжает рассматриваться как проблемный аспект защиты участников ООО, требующий дальнейшей нормативной конкретизации.

Другая проблемная плоскость проявляется на стадии выбора и реализации способа распоряжения правом требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. После вынесения судебного акта о привлечении участника ООО (иного КДЛ) к ответственности перед конкурсной массой возникает самостоятельное право требования к такому лицу. В соответствии со ст. 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (банкротстве) кредиторам предоставлено несколько вариантов распоряжения этим правом: добиваться взыскания задолженности в рамках процедуры банкротства, реализовывать право требования на торгах либо уступать кредитору часть требования в размере его реестрового требования. Каждый из этих способов имеет как преимущества, так и существенные риски.

Наиболее конфликтной в правоприменении стала модель продажи права требования о субсидиарной ответственности на торгах. Продажа, с одной стороны, позволяет быстро монетизировать актив, не дожидаясь длительного исполнения; с другой – на практике нередко приводит к значительному дисконту, а также открывает возможности для недобросовестного поведения. Особую опасность представляет ситуация, когда право требования к КДЛ выкупается аффилированным с должником или самим контролирующим лицом субъектом. В подобных случаях фактический должник по субсидиарной ответственности, по сути, «выкупает» своё обязательство по заниженной цене и далее не заинтересован в реальном взыскании с самого себя, что прямо подрывает интересы добросовестных кредиторов и компенсаторную функцию субсидиарной ответственности.

Дополнительные сложности возникали и при уступке права требования стороннему лицу: требовалось определить соотношение такого требования с сохранением реестровых требований к должнику, а также обеспечить недопущение двойного удовлетворения за счёт солидарной конструкции обязательств. Верховный Суд РФ в ряде дел подчеркнул, что требования кредитора к должнику и к контролирующему лицу, направленные на удовлетворение одного и того же экономического интереса, должны рассматриваться как элементы солидарного обязательства, а распоряжение одним из таких требований не может приводить к получению кредитором исполнения сверх подлежащего удовлетворению объёма либо к ущемлению прав остальных кредиторов¹. Тем самым суд сформировал важный «предохранитель» от злоупотреблений, когда через последовательные уступки и торги создаются предпосылки для двойного взыскания одной и той же суммы.

Законодатель отреагировал на выявленные проблемы, уточнив порядок распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Федеральным законом от 22.07.2024 № 208-ФЗ² – ст. 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» была дополнена механизмом изменения способа распоряжения правом требования после неудачной реализации его на торгах. Если право требования к КДЛ, подлежащее продаже, не было реализовано в результате проведения торгов в форме публичного предложения, арбитражный управляющий обязан в установленный срок разместить в ЕФРСБ сообщение о праве кредиторов изменить способ распоряжения указанным правом. В течение десяти рабочих дней со дня публикации каждый кредитор, в интересах которого право требования ранее было выставлено на торги, вправе заявить об изменении способа распоряжения в пользу уступки ему части

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «25» апреля 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

² О внесении изменений в статьи 61.17 и 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 19 и 39 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.07.2024 № 208-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <https://goo.su/Lb0S5X> (дата обращения: 01.12.2025).

требования в размере его реестровой задолженности. По итогам указанного срока управляющий формирует отчёт, на основании которого арбитражный суд производит замену взыскателя и выдаёт каждому из таких кредиторов отдельный исполнительный лист с указанием размера и очередности его требования.

Новелла 2024 г. преследует сразу несколько целей: во-первых, минимизировать риск «выкупа» права требования к КДЛ аффилированными структурами по заниженной цене; во-вторых, обеспечить более справедливое распределение выгод от реализации субсидиарной ответственности между всеми кредиторами, а не только между теми, кто оказался покупателем права требования; в-третьих, предоставить кредиторам дополнительную гарантию на случай пассивности или недобросовестности конкурсного управляющего – вместо продажи на торгах они получают возможность самостоятельно взыскивать долг с контролирующего лица.

Вместе с тем данное регулирование не устраняет всех проблем исполнения судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности. При частичном переходе требований к отдельным кредиторам возникает необходимость координации их действий в рамках исполнительного производства вне дела о банкротстве, а также риск конкуренции нескольких исполнительных производств при ограниченной платёжеспособности привлечённого лица. На практике сохраняются вопросы о порядке учёта исполненных сумм в реестре требований, о допустимых моделях уступки солидарных требований и о границах влияния аффилированности цессионария на баланс интересов конкурсной массы и отдельных кредиторов. Всё это позволяет говорить о том, что, несмотря на принятые законодательные и правоприменительные меры, исполнение судебных актов о субсидиарной ответственности остаётся зоной повышенного риска и одним из ключевых проблемных аспектов защиты участников ООО от несоразмерной субсидиарной ответственности.

Ещё одним проблемным аспектом исполнения судебных актов о привлечении участников ООО к субсидиарной ответственности являются вопросы правового режима и распределения денежных средств, взысканных с контролирующего лица. Формально общий подход выглядит понятным: суммы, поступившие от субсидиарного должника, включаются в конкурсную массу должника и подлежат распределению между кредиторами в порядке очередности, установленной ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Однако на практике возникали споры, являются ли такие средства «обычным» имуществом должника либо на них распространяется какой-то особый режим, в частности – можно ли за их счёт удовлетворять мораторные проценты и иные зарегистрированные требования.

Показательно дело¹, в котором контролирующее лицо (муниципальное образование) было привлечено к субсидиарной ответственности на сумму порядка 576 млн. руб., из которых реально перечислило в конкурсную массу около 542 млн. руб. Этих средств хватило на полное погашение требований кредиторов второй очереди (налоговых органов) и часть требований третьей очереди, но возник вопрос об уплате мораторных процентов, начисленных на требования кредиторов за период процедуры банкротства (п. 1 ст. 63 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Конкурсный управляющий исходил из того, что поступившие от муниципалитета средства могут направляться и на выплату мораторных процентов (причём одновременно с основным долгом, до штрафных санкций), тогда как налоговый орган возражал, утверждая, что контролирующее лицо не обязано покрывать такие проценты сверх основного долга, а значит, и поступившие от него суммы должны использоваться только для погашения «реестрового» основного долга и санкций. Суды первой и апелляционной инстанций фактически поддержали позицию налогового органа, придав этим средствам «целевой» характер и тем самым создав ситуацию, при которой кредиторы, обладающие процентными требованиями, рисковали не

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.12.2020 № 309-ЭС20-10487 по делу № А76-25213/2015 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

получить удовлетворения, несмотря на успешное взыскание значительной суммы с контролирующего лица.

Кассационная инстанция скорректировала этот подход, указав на необходимость учитывать мораторные проценты наравне с основным долгом до штрафов и пеней. Окончательную же правовую позицию сформулировал Верховный Суд РФ в 2025 г., указав, что лица, привлечённые к субсидиарной ответственности, отвечают не только по основной сумме задолженности, но и по мораторным процентам¹. Закон о банкротстве не содержит специальных ограничений размера субсидиарной ответственности в этой части, а мораторные проценты по своей правовой природе сопоставимы с финансовыми санкциями, прямо упомянутыми в п. 11 ст. 61.11 Закона. Исключение мораторных процентов из состава взыскиваемой ответственности стимулировало бы недобросовестное поведение контролирующих лиц, создавая для них экономический интерес затягивать процедуру банкротства и накапливать проценты, которые фактически никто не оплатит. Верховный Суд признал отказ нижестоящих судов учитывать мораторные проценты незаконным и направил дело на новое рассмотрение.

Таким образом, позиция Верховного Суда РФ за 2025 г. во многом сняла прежнюю неопределённость: теперь судебная практика исходит из того, что объём субсидиарной ответственности включает в себя все неудовлетворённые за счёт должника требования кредиторов, в том числе финансовые санкции и мораторные проценты, начисленные к моменту рассмотрения вопроса о привлечении к ответственности. Это обеспечивает более справедливое распределение взысканных сумм между кредиторами и устраняет стимулы к затягиванию процедуры банкротства.

Вместе с тем данное разъяснение не означает, что проблематика распределения средств, взысканных с субсидиарного должника, полностью исчерпана. Во-первых, соответствующие выводы закреплены на уровне

¹ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 августа 2025 г. № 302-ЭС24-490 (2, 3) по делу № А74-5486/2020 [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

судебной практики, а не прямо в тексте закона, что сохраняет риск появления альтернативных трактовок в будущем и усложняет предсказуемость для участников оборота. Во-вторых, остаются нерешёнными производные вопросы: по какой момент следует фиксировать размер подлежащих включению в ответственность мораторных процентов, как учитывать проценты, продолжающие начисляться после даты судебного акта о привлечении к ответственности, каким образом отражать последующие частичные исполнения в реестре требований и при возможной уступке «процентной» части требования. В-третьих, дополнительную сложность создаёт ситуация банкротства самого контролирующего лица: хотя Верховный Суд указал, что требования из субсидиарной ответственности в этом случае рассматриваются как требования третьей очереди в его деле, на практике возникает необходимость учитывать первоначальную очередность требований в деле основного должника и корректно соотносить её с режимом удовлетворения требований в деле о банкротстве контролирующего лица.

В совокупности это позволяет сделать вывод, что проблема распределения взысканных с участников ООО (и иных контролирующих лиц) сумм и включения в их объём мораторных процентов не может считаться полностью разрешённой. Ключевая правовая неопределённость была снята Верховным Судом, однако законодательное регулирование по-прежнему нуждается в детализации, а исполнение судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности остаётся зоной повышенного риска для участников.

Финальная проблемная грань исполнения судебного акта о субсидиарной ответственности связана с вопросом стимулирующего вознаграждения конкурсного управляющего. В соответствии с п. 3.1 ст. 20.6 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный управляющий имеет право на получение дополнительного вознаграждения в размере тридцати процентов от денежных средств, поступивших в конкурсную массу в результате исполнения судебного акта о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной

ответственности (с учётом расходов на привлечённых им помощников). Тем самым законодатель исходит из необходимости материально стимулировать активную деятельность управляющего по выявлению контролирующих лиц, оспариванию сделок и инициированию субсидиарных исков.

Проблема возникает в тех случаях, когда фактическое взыскание по судебному акту осуществляется не самим конкурсным управляющим, а кредитором, воспользовавшимся правом на уступку части требования (подп. 3 п. 2 ст. 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве») и возбудившим исполнительное производство от собственного имени. В такой ситуации денежные средства минуют конкурсную массу и поступают непосредственно кредитору. При буквальном толковании п. 3.1 ст. 20.6 появляется аргумент в пользу отказа управляющему в стимулирующем вознаграждении: формально «средств, поступивших в конкурсную массу» нет, следовательно, отсутствует база для расчёта 30-процентного процента. Это порождает конфликт интересов между управляющим и активными кредиторами и создает риск того, что управляющий будет препятствовать самостоятельной реализации требования кредитором лишь для сохранения собственного вознаграждения.

Верховный Суд РФ занял принципиальную позицию, направленную на сохранение мотивационной функции указанной нормы. В Обзоре судебной практики за 2024 г.¹ отмечено, что сам по себе факт принудительного исполнения судебного акта о субсидиарной ответственности с участием кредитора не лишает конкурсного управляющего права на получение стимулирующего вознаграждения. Ключевое значение имеет причинная связь между действиями управляющего и последующим взысканием: если именно управляющий выявил контролирующее лицо, собрал доказательства, обеспечил принятие судебного акта и тем самым создал юридические предпосылки для взыскания, участие кредитора на стадии исполнительного производства не устраняет заслуг управляющего. В одном из дел, где кредитор настаивал на

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «25» апреля 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

том, что взыскание было осуществлено исключительно его усилиями и возражал против выплаты управляющему процента от полученной суммы, Верховный Суд указал, что определяющим фактором является вклад управляющего в формирование самого права требования к контролирующему лицу; поэтому тот факт, что денежные средства не поступили в конкурсную массу, а были перечислены непосредственно кредитору, не может служить основанием для отказа в стимулирующем вознаграждении¹. Иная интерпретация нормы объективно подталкивала бы управляющих к блокированию уступки требований кредиторам, что противоречит интересам конкурсной массы и цели максимального удовлетворения требований всех кредиторов.

Вместе с тем рассматриваемый вопрос остаётся проблемным с точки зрения нормативной определённости. Позиция Верховного Суда основана на расширительном толковании п. 3.1 ст. 20.6 и не отражена прямо в тексте закона, который по-прежнему привязывает размер дополнительного вознаграждения к суммам, «поступившим в конкурсную массу». Это сохраняет почву для споров и попыток формально отказать управляющему в выплате процентов в случаях, когда взыскание организовано кредитором по уступленному требованию. Для окончательного разрешения проблемы представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне правило, согласно которому денежные средства, полученные кредиторами во исполнение судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности при уступке им соответствующей части требования, в целях расчёта стимулирующего вознаграждения конкурсного управляющего приравниваются к средствам, поступившим в конкурсную массу, при условии, что именно действия управляющего обусловили возникновение и реализацию этого права требования. Такая норма устранила бы конфликт мотиваций между управляющим и кредиторами на стадии исполнения судебных актов и

¹ Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «25» апреля 2025 года) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

одновременно обеспечила бы справедливое вознаграждение управляющего за работу по привлечению виновных лиц к ответственности.

Учитывая выявленные проблемы правоприменения, представляется необходимым внести ряд точечных поправок в законодательство о банкротстве.

С целью решения проблемы риска фактического двойного взыскания одной и той же задолженности с контролирующего должника лица, одновременно являющегося поручителем по обязательствам должника, предлагается дополнить Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» новой статьёй 61.19¹ следующего содержания:

«Статья 61.19¹. Соотношение требований кредитора к должнику, поручителю и контролирующему должника лицу

Требования кредитора к должнику, к поручителю по обязательствам должника, а также к контролирующему должника лицу, привлечённому к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в порядке настоящей главы, если указанные требования направлены на погашение одного и того же денежного обязательства, признаются требованиями к солидарным должникам в смысле статей 322-325 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Исполнение указанного обязательства должником, поручителем либо контролирующим должника лицом полностью или в части влечёт прекращение соответствующего обязательства в том же объёме в отношении остальных солидарных должников. Уступка кредитором требования к одному из лиц, указанных в пункте 1 настоящей статьи, если иное прямо не предусмотрено договором уступки, влечёт переход к цессионарию принадлежащих кредитору требований ко всем таким лицам в пределах уступаемого размера».

Прямое указание на солидарный характер требований и на «пакетный» переход прав при уступке снимает риск двойного взыскания одной суммы и злоупотреблений при подрядной продаже требований (когда банк продаёт «субсидиарку», но продолжает давить по поручительству). Норма не дублирует

положения ГК РФ о солидарных должниках, а конкретизирует, что именно связка «должник – поручитель – КДЛ» по одному обязательству всегда рассматривается как солидарное обязательство. Сейчас это вытекает только из позиции ВС РФ по конкретным делам.

Для участников ООО и иных КДЛ это повышает предсказуемость: закон прямо фиксирует, что погашение долга по одному основанию уменьшает ответственность по другим, а попытка кредитора «играть» разными инструментами не приведёт к их личной переплате. Предлагаемая норма не дублирует положения ГК РФ о солидарных должниках, а конкретизирует, что именно связка «должник – поручитель – КДЛ» по одному обязательству всегда рассматривается как солидарное обязательство. Сейчас это вытекает только из позиции ВС РФ по конкретным делам.

С целью устранения риска приобретения права требования к контролирующему должника лицу аффилированными с ним лицами по заниженной цене и последующего фактического уклонения от исполнения такого требования предлагается внести следующие изменения в статью 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: дополнить статью 61.17 пунктом 8 следующего содержания:

«8. Право требования о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, подлежащее продаже в порядке настоящей статьи, не может быть приобретено на торгах:

самим контролирующим должника лицом;

лицами, признаваемыми взаимозависимыми с таким лицом в соответствии со статьёй 105.1 Налогового кодекса Российской Федерации;

иными заинтересованными лицами, определяемыми в порядке, предусмотренном пунктом 9 статьи 61.11 настоящего Федерального закона.

Договор купли-продажи права требования, заключённый с нарушением настоящего пункта, является ничтожным.

Допускается приобретение указанного права требования лицами, указанными в настоящем пункте, при условии предварительного одобрения

такой сделки собранием кредиторов большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов».

Предлагаемая норма не пересекается с уже введённым механизмом изменения способа распоряжения правом требования после несостоявшихся торгов (п. 6.1, 6.2 ст. 61.17), а дополняет его фильтром на стадии самих торгов. Запрет «тихого» выкупа субсидиарного требования аффилированными лицами без согласия кредиторов препятствует схемам, при которых контролирующее лицо фактически «закупает» собственную ответственность по демпинговой цене и дальше её не исполняет. Возможность одобрения такой сделки собранием кредиторов сохраняет гибкость: если кредиторы считают выгодным продать право самому КДЛ по высокой цене (например, близкой к номиналу), они смогут это сделать осознанно, под свою ответственность.

С целью устранения правовой неопределённости относительно включения мораторных процентов и иных финансовых санкций в размер субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц предлагается внести следующие изменения в статью 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: изложить пункт 11 статьи 61.11 в следующей редакции:

«11. Размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включённых в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника, включая начисленные в соответствии с пунктом 1 статьи 63 настоящего Федерального закона мораторные проценты и иные финансовые санкции по таким требованиям, если иное прямо не предусмотрено настоящей статьёй.

Размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица определяется на дату вынесения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности. Требования кредиторов о взыскании мораторных процентов и иных финансовых санкций, начисленных после указанной даты, могут быть

предъявлены к контролирующему должника лицу дополнительно в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, с учётом ранее произведённых исполнений».

Предлагаемая норма не противоречит действующей конструкции пункта 11 ст. 61.11, а развивает её, прямо указывая, что в составе субсидиарной ответственности учитываются и мораторные проценты по п. 1 ст. 63 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», и финансовые санкции. Это соответствует уже сформированной позиции ВС РФ и устраняет возможность обратного толкования. Фиксация даты определения размера ответственности (момент вынесения судебного акта) и возможность предъявления «дозаряда» процентов за последующий период снимают вопросы о том, до какого момента считать проценты и как учитывать последующие начисления. Для кредиторов это гарантирует, что вред от затягивания процедуры (мораторные проценты) не останется «ничейным», а фактически ляжет на КДЛ, чьи действия (или бездействие) привели к банкротству; для КДЛ – повышает предсказуемость и снимает риск произвольного «добрасывания» процентов задним числом.

С целью устранения правовой неопределённости относительно расчёта стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего в случаях, когда исполнение судебного акта о субсидиарной ответственности осуществляется кредиторами по уступленному им требованию, предлагается внести следующие изменения в пункт 3.1 статьи 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: дополнить пункт 3.1 после абзаца третьего абзацем следующего содержания:

«Для целей настоящего пункта денежные средства, фактически полученные кредиторами от исполнения судебного акта о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в случаях уступки им части права требования в порядке подпункта 3 пункта 2 статьи 61.17 и статьи 61.18 настоящего Федерального закона, приравниваются к денежным средствам, поступившим в конкурсную массу должника. Сумма процентов по вознаграждению арбитражного управляющего в указанном

случае определяется исходя из размера удовлетворённых таким образом требований кредиторов и выплачивается за счёт соответствующих денежных средств кредиторов при условии, что арбитражный управляющий доказал причинную связь между подачей им заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и последующим исполнением судебного акта.»

Предлагаемая норма не дублирует, а разъясняет и технологически «доводит» уже существующее правило п. 3.1 ст. 20.6: прямо говорит, что суммы, полученные кредиторами по уступленному требованию, считаются базой для 30-процентного вознаграждения и как именно это вознаграждение выплачивается несмотря на то, что деньги не прошли через конкурсную массу. Это снимает аргументацию сторонников формального подхода («в конкурсную массу деньги не поступили – база для 30 % отсутствует»), уменьшает количество споров и делает мотивацию управляющих более устойчивой: им не нужно «блокировать» уступку, чтобы не потерять своё вознаграждение. Вместе с тем остаётся баланс: управляющий должен доказать причинную связь между своей работой и фактическим взысканием (как уже требует действующий п. 3.1), то есть вознаграждение не превращается в «автоматическое», а сохраняет стимулирующий характер.

Таким образом, проведённое исследование показало, что современный институт субсидиарной ответственности в делах о банкротстве не сводится к формальному «пробиванию корпоративной вуали» и возложению всей тяжести последствий несостоятельности на участников общества или его руководителя. Российские суды, прежде всего Верховный Суд РФ, последовательно формируют подход, ориентированный на выявление реальных контролирующих лиц и виновных выгодоприобретателей, а также на индивидуализацию ответственности с учётом добросовестности поведения участников и объективных факторов кризиса. Вместе с тем действующее законодательство по-прежнему содержит целый ряд оценочных, фрагментарных и не до конца урегулированных конструкций, создающих

повышенную степень неопределённости для добросовестных участников ООО и иных контролирующих лиц.

Анализ судебной практики по вопросам привлечения к субсидиарной ответственности на стадии рассмотрения требований позволил выделить четыре ключевых блока проблем: чрезмерно широкое и оценочное определение контролирующего должника лица, отсутствие чёткой дифференциации степени вины КДЛ при действии презумпций, недостаточную регламентацию распределения ответственности между последовательно сменявшими друг друга контролирующими лицами, а также слабую выраженность позитивных стимулов для добросовестного поведения участников (добровольное погашение задолженности, своевременное инициирование процедуры банкротства, сотрудничество с конкурсным управляющим). В ответ на эти вызовы в работе предложен комплекс точечных поправок к главе III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», направленных на уточнение понятия контролирующего лица, установление повышенного порога вины (умысел и грубая неосторожность) для применения субсидиарной ответственности, смягчение документарных презумпций при объективной утрате документации, поощрение добровольного погашения долгов и нормативное оформление долевой ответственности нескольких КДЛ.

Не менее проблемной представляется и стадия исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности (п. 3.2). Именно на этой стадии на практике проявляются риски двойного взыскания одной и той же задолженности с контролирующего лица по различным основаниям (субсидиарная ответственность и поручительство), злоупотреблений при продаже и уступке права требования о субсидиарной ответственности (включая попытки «выкупа» такого требования аффилированными с КДЛ структурами по заниженной цене), неопределённости относительно включения мораторных процентов и иных финансовых санкций в состав субсидиарной ответственности, а также конфликтов интересов между конкурсным управляющим и активными кредиторами при расчёте стимулирующего

вознаграждения. Хотя Верховный Суд РФ выработал важные правовые позиции, позволяющие смягчить эти проблемы, они в значительной мере остаются на уровне правоприменительной практики и не имеют прямого закрепления в законодательстве.

В этой связи в работе сформулирован ряд законодательных предложений, направленных на придание стадии исполнения судебного акта большей предсказуемости и баланса интересов. К их числу относятся: закрепление на уровне закона солидарного характера связки «должник, поручитель, контролирующее лицо» по одному обязательству и последствий исполнения одним из должников; введение запрета на приобретение права требования к КДЛ самим контролирующим лицом и его аффилированными лицами без одобрения собрания кредиторов; прямое указание на включение мораторных процентов и финансовых санкций в состав субсидиарной ответственности с фиксацией момента определения её размера; а также уточнение порядка расчёта стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего в ситуациях, когда взыскание фактически осуществляется кредиторами по уступленным им требованиям.

В совокупности предложенные меры позволяют рассматривать институт субсидиарной ответственности участников ООО и иных контролирующих лиц как инструмент не только компенсации ущерба кредиторам, но и правомерного управления предпринимательским риском. Их реализация придавала бы конструкциям главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (банкротстве) более адресный и предсказуемый характер: ответственность концентрировалась бы на действительно виновных контролирующих лицах, тогда как добросовестные участники, своевременно реагирующие на кризис, раскрывающие информацию и участвующие в восстановлении платёжеспособности, получали бы чётко очерченные законодательные гарантии минимизации либо исключения личной ответственности. Такой подход соответствует конституционным принципам справедливой ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт субсидиарной ответственности участников общества с ограниченной ответственностью при банкротстве выступает сегодня одним из ключевых инструментов защиты интересов кредиторов и поддержания добросовестности в корпоративном обороте. Его применение неизбежно связано с пересмотром классического принципа ограниченной ответственности участника, а потому требует особенно взвешенного подхода, учитывающего как необходимость эффективного противодействия злоупотреблениям, так и защиту добросовестных участников общества от несоразмерных последствий несостоятельности. Проведённое исследование показало, что российская модель субсидиарной ответственности развивается в сторону усложнения и детализации, но при этом сохраняет ряд пробелов и оценочных конструкций, создающих повышенную неопределённость для участников ООО.

В соответствии с заявленной целью – комплексно проанализировать институт субсидиарной ответственности участников ООО при банкротстве и выработать предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения – в работе решены все поставленные задачи.

Во-первых, раскрыта правовая природа субсидиарной ответственности в корпоративных отношениях. Показано, что субсидиарная ответственность участников ООО в делах о банкротстве имеет комплексный характер: она сочетает в себе компенсаторную, превентивную и дисциплинирующую функции, оставаясь при этом акцессорной по отношению к обязательствам должника. Особое внимание уделено разграничению субсидиарной ответственности с иными формами привлечения участников к имущественной ответственности (взыскание убытков, оспаривание сделок, корпоративные споры), а также увязке с общими положениями гражданского законодательства об ответственности контролирующих лиц. Сделан вывод о том, что субсидиарная ответственность в банкротстве представляет собой самостоятельный гражданско-правовой механизм, который опирается на

доктрину «пробивания корпоративной вуали», но не сводится к её механическому применению.

Во-вторых, прослежено развитие института субсидиарной ответственности в российском законодательстве. От коротких и фрагментарных норм первых законов о несостоятельности институт эволюционировал к многоуровневой системе регулирования, включающей положения ГК РФ о контролирующих лицах, специальные главы ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (банкротстве) и обширный массив разъяснений Верховного Суда РФ. Реформы 2014-2017 гг. качественно изменили подход: был введён единый критерий контролирующего должника лица, закреплены презумпции вины и причинной связи, сформирован особый состав ответственности за доведение до банкротства и за несвоевременную подачу заявления. Новейшие изменения 2024-2025 гг. продемонстрировали тенденцию к дальнейшей детализации отдельных процедурных и материальных аспектов (распоряжение правом требования, раскрытие информации, исполнение судебных актов), что усиливает роль субсидиарной ответственности как рабочего инструмента защиты кредиторов.

В-третьих, исследованы основания, цели и содержание процедур банкротства обществ с ограниченной ответственностью, в рамках которых реализуется субсидиарная ответственность. Показано, что процедуры наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства образуют логически последовательную систему, в которой субсидиарная ответственность выступает крайней мерой реагирования на недостаточность имущества должника. Проанализированы роль и обязанности арбитражного управляющего, механизм формирования и удовлетворения реестра требований, особое значение конкурсного производства как стадии, на которой, как правило, иницируются и реализуются требования о привлечении участников к субсидиарной ответственности. Сделан вывод, что эффективность субсидиарной ответственности во многом зависит от качества ведения

процедур банкротства и добросовестности профессиональных участников (управляющих, кредиторов).

В-четвёртых, систематизированы способы и механизмы привлечения участников ООО к субсидиарной ответственности. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики подробно раскрыты материальные и процессуальные предпосылки привлечения: наличие статуса контролирующего лица, причинно-следственная связь между его поведением и невозможностью погашения требований кредиторов, вина (в частности, в форме доведения до банкротства или несвоевременного обращения в суд). Отдельно рассмотрены специальные конструкции: ответственность за неподачу заявления должника, ответственность за утрату и искажение документации, ответственность при создании схем «центр прибыли – центр убытков», при выводе активов и использовании «зеркальных» компаний. Подтверждено, что современная судебная практика в целом отходит от формального подхода к участнику как к «кошельку» общества и ориентирована на выявление реальных бенефициаров и организаторов недобросовестных схем.

В-пятых, исследованы способы защиты участников ООО от необоснованного привлечения к субсидиарной ответственности, в том числе на основе анализа ключевых правовых позиций Верховного Суда РФ и окружных судов. Выявлено, что значительная часть защитных механизмов сформирована именно судебной практикой: требование доказать прямую причинно-следственную связь между действиями участника и банкротством; отказ от автоматического признания любого выгодоприобретателя контролирующим лицом; защита миноритариев и номинальных учредителей; учёт добросовестного поведения (добровольное погашение задолженности, сохранение документации, своевременное инициирование процедуры банкротства); дифференциация подхода к бывшим и последующим контролирующим лицам. При этом установлено, что указанные гарантии носят во многом казуистический характер и не всегда находят прямое отражение в тексте закона, что снижает предсказуемость правоприменения.

В-шестых, особое внимание уделено проблематике исполнения судебных актов о привлечении участников ООО к субсидиарной ответственности. Показано, что даже после вынесения определения о взыскании с контролирующих лиц остаётся целый спектр вопросов: риск двойного взыскания при сочетании статуса поручителя и субсидиарного должника; злоупотребления при продаже прав требования к КДЛ аффилированным лицам на торгах; неопределённость правового режима денежных средств, взысканных с субсидиарного должника, и, в частности, вопрос о включении мораторных процентов в объём ответственности; конфликты интересов вокруг стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего, если исполнение осуществляет кредитор по уступленному требованию. Анализ судебной практики за 2024-2025 гг. показал, что Верховный Суд РФ последовательно закрывает наиболее острые лакуны, однако значительная часть решений остаётся на уровне разъяснений и не трансформирована в нормативный текст, что поддерживает высокий уровень споров на стадии исполнения.

На основе выявленных проблем сформулирован комплекс конкретных предложений по совершенствованию законодательства. Они сгруппированы по двум основным направлениям:

Во-первых, предложения, направленные на совершенствование материально-правовой конструкции субсидиарной ответственности и усиление защиты добросовестных участников при рассмотрении требований о привлечении к ответственности.

К числу таких предложений относятся:

– уточнение понятия контролирующего должника лица через прямое закрепление в ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (банкротстве) запрета признавать контролирующим лицом участника или члена органа управления исключительно по формальному статусу и факту получения обычной экономической выгоды без доказательств фактического контроля;

– установление повышенного порога вины (умысел и грубая неосторожность) для наступления субсидиарной ответственности по ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что ограничивает возможность привлечения за обычную хозяйственную небрежность и добросовестные, но неудачные решения;

– нормативное закрепление в подп. 2 п. 2 ст. 61.11 механизма опровержения презумпции виновности при утрате документации в случаях, когда контролирующее лицо предпринимало разумные меры по её сохранности, но столкнулось с объективными обстоятельствами (пожар, хищение, действия предшествующего руководства и др.);

– введение в ст. 61.13 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» специальной поощрительной нормы, позволяющей суду освобождать или существенно снижать ответственность контролирующего лица, добровольно удовлетворившего значительную часть требований кредиторов за счёт собственного имущества;

– корректировка п. 8 ст. 61.11 с закреплением дифференциации между солидарной и долевой ответственностью нескольких контролирующих лиц в зависимости от характера и достаточности их действий, а также от периода фактического контроля.

Реализация приведённых предложений призвана придать институту субсидиарной ответственности более адресный и справедливый характер: сконцентрировать ответственность на действительно виновных контролирующих лицах, снизить риск «перестраховочного» привлечения формальных участников, создать понятные ориентиры добросовестного поведения и тем самым укрепить превентивный потенциал института.

Во-вторых, предложения, направленные на устранение пробелов и противоречий в регулировании исполнения судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности. Здесь ключевыми являются следующие инициативы:

– введение специальной нормы (новой ст. 61.19¹ ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), закрепляющей солидарный характер требований кредитора к должнику, поручителю и контролирующему лицу по одному обязательству и «пакетный» переход соответствующих требований при уступке;

– установление в ст. 61.17 запрета на приобретение прав требования к КДЛ самим контролирующим лицом и взаимозависимыми с ним субъектами без одобрения собрания кредиторов, что блокирует схему «выкупа собственной ответственности» по заниженной цене;

– нормативное уточнение п. 11 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с закреплением включения мораторных процентов и иных финансовых санкций в объём субсидиарной ответственности и фиксацией момента, на который определяется её размер, с возможностью последующего предъявления требований по процентам за период после вынесения судебного акта;

– дополнение п. 3.1 ст. 20.6 правилом о приравнивании денежных средств, полученных кредиторами по уступленному требованию о субсидиарной ответственности, к средствам, поступившим в конкурсную массу, для целей расчёта стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего при доказанной причинной связи между его действиями и взысканием.

Комплексное внедрение указанных поправок позволит устранить риск двойного взыскания одной и той же задолженности, ограничить злоупотребления при распоряжении правом требования к КДЛ, закрепить на уровне закона уже сложившийся подход к объёму субсидиарной ответственности (включая мораторные проценты), а также сохранить мотивационную функцию вознаграждения арбитражного управляющего, не вступая в противоречие с интересами активных кредиторов.

В совокупности полученные в ходе исследования результаты подтверждают, что современный институт субсидиарной ответственности

участников ООО при банкротстве не является ни односторонне «репрессивным», ни достаточным с точки зрения гарантий добросовестных участников. Его дальнейшее развитие должно идти по пути более точного разграничения виновного и оправданного поведения контролирующих лиц, усиления связи между объёмом ответственности и реальным вкладом конкретного лица в доведение должника до несостоятельности, а также по пути формализации на уровне закона тех защитных подходов, которые уже выработаны судебной практикой.

Практическая значимость выполненного исследования заключается в том, что сформулированные выводы и предложения могут быть использованы при подготовке проектов изменений в Закон о несостоятельности (банкротстве), при разработке разъяснений высших судебных инстанций, а также в повседневной работе арбитражных управляющих, кредиторов, представителей участников ООО и судей, рассматривающих дела о банкротстве. Теоретические положения работы способны способствовать дальнейшей доктринальной разработке вопросов соотношения корпоративной автономии и личной ответственности участников, а также поиску оптимального баланса между защитой кредиторов и сохранением легитимного предпринимательского риска.

Таким образом, поставленная в выпускной квалификационной работе цель – комплексный анализ института субсидиарной ответственности участников общества с ограниченной ответственностью при банкротстве и выработка конкретных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики – может считаться достигнутой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020; с учетом поправок, внесенных законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. 1-ФКЗ]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 61.17 и 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 19 и 39 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» : Федеральный закон № 208-ФЗ : [принят Государственной Думой 3 июля 2024 года : одобрен Советом Федерации 17 июля 2024 года]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон № 107-ФЗ : [принят Государственной Думой 6 мая 2024 года: одобрен Советом Федерации 22 мая 2024 года]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2025).
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 488-ФЗ : [принят Государственной Думой 14 декабря 2016 года : одобрен Советом Федерации 23 декабря 2016 года]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон № 127-ФЗ : [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года : одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2025).

6. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон № 129-ФЗ : [принят Государственной Думой 13 июля 2001 года : одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 года]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2025).

7. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон № 14-ФЗ : [принят Государственной Думой 14 января 1998 года : одобрен Советом Федерации 28 января 1998 года]. – URL : <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

Комментарий к законам

8. **Борисов, А. Н.** Комментарий к Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный) : комментарий / А. Н. Борисов. - 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2019. –672 с. – ISBN 978-5-7205-1524-9.

Стандарты, правила

9. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 г. N 95-ст : введен впервые : дата введения 2009-01-01/ разработан Федеральным государственным учреждением "Российская книжная палата" Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. – Москва : Стандартинформ, 2020. – 14 с.

Учебники, учебные пособия

10. **Амбарцумов, Р. А.** Объем прав контролирующих лиц при привлечении к субсидиарной ответственности / Р. А. Амбарцумов, С. В. Петухов // Российский судья. – 2023. – № 11. – С. 17-22.

11. **Барков, К. Б.** Субсидиарная ответственность в России / К. Б. Барков //Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – №. 9-1. – С. 405-407. – URL: <https://na-journal.ru/4-2024-pravo/10228-subsidiarnaya-otvetstvennost-po-delam-o-bankrotstve> (дата обращения: 20.12.2025).

12. **Бибиков, С. Ю.** ВС напомнил о недопустимости номинального управления бизнесом / С. Ю. Бибиков // Проблемы привлечения бенефициаров юрлиц-банкротов к субсидиарной ответственности. – URL.: <https://goo.su/5440q> (дата обращения: 01.12.2025).
13. **Борисенко Д. Р., Терещенко Т. А.** Трехступенчатый тест оценки обоснованности привлечения к субсидиарной ответственности в банкротном споре / Д. Р. Борисенко, Т. А. Терещенко // Арбитражные споры. – 2022. – № 1 (97). – С.45–58. –URL <https://www.consultant.ru/cons/cgi/100046> (дата обращения: 11.12.2025).
14. **Галка, Д. В.** Правовые проблемы и особенности процедуры банкротства общества с ограниченной ответственностью / Д. В. Галка, М. Б. Смоленский // Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности: Материалы VIII Всероссийской национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 06 июня 2024 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 155-159.
15. **Демишева, К. И** Особенности института субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве) // К.И. Демишева // СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО. – 2024. № 9. – URL : <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Особенности-института-субсидиарной-ответственности-в-делах-о-несостоятельности-банкротстве-> – 105с. (дата обращения: 14.11.2025)
16. **Добрачев, Д. В.** Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства / Д. В. Добрачев // Инфотропик Медиа. – 2019. – 172 с. – ISBN 978-5-9998-0343-6.
17. **Егоров, А. А.** О важности определения момента наступления объективного банкротства для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности / А. А. Егоров // Юридические исследования. – 2025. – №. 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vazhnosti-opredeleniya->

momenta-nastupleniya-obektivnogo-bankrotstva-dlya-privlecheniya-kontroliruyushego-dolzhnika-litsa-k (дата обращения: 03.12.2025).

18. **Егоров, А.В.** Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А. В. Егоров, К. А. Усачева. - Текст : непосредственный // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2013. - № 12. - С. 6-61 . - ISSN 0869-7426.

19. **Егорова, М.А.** Коммерческое право: Учебник для вузов. М.: – "РАНХиГС при Президенте РФ", "Статут", 2013. – 405. – ISBN: 978-5-8354-0899-3.

20. **Кабанова, И. Е.** Субсидиарная ответственность публичных собственников по долгам унитарных предприятий / И. Е. Кабанова // Вестник ННГУ. – 2016. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-publichnyh-sobstvennikov-po-dolgam-unitarnyh-predpriyatiy> (дата обращения: 01.12.2025).

21. **Кашанина, Т. В.** Корпоративное право: учебник для вузов. – М, 2025. – С. 158.– ISBN 586-5-8758-0549-1.

22. **Кузнецов, А. А.** Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью / А.А. Кузнецов. - Москва : Статут, 2014. - 141 с. ISBN 978-5-8354-0984-6, 500 экз. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/449662> (дата обращения: 20.12.2025).

23. **Кузнецова, Л. В.** Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: Практика применения действующего законодательства / Л.В. Кузнецова. – Москва : Юстицинформ, 2008. – 160 с. (Деловая библиотека). ISBN 978-5-7205-0918-7, 500 экз. – Текст : электронный. – URL : <https://znanium.com/catalog/product/172165> (дата обращения: 19.12.2025).

24. **Коркин, М. С.** Субсидиарная ответственность участников (акционеров) хозяйственных обществ: проблемы современной судебной практики / М. С. Коркин, П. О. Рубан // Право и управление. – 2025. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-uchastnikov->

aktsionerov-hozyaystvennyh-obschestv-problemy-sovremennoy-sudebnoy-praktiki
(дата обращения: 15.11.2025).

25. **Кузнецова, Л. В.** Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: Практика применения действующего законодательства / Л.В. Кузнецова. – Москва : Юстицинформ, 2008. – 160 с. (Деловая библиотека). ISBN 978-5-7205-0918-7, 500 экз. – Текст : электронный. – URL : <https://znanium.com/catalog/product/172165> (дата обращения: 19.11.2025).

26. **Курбатов, А. А.** Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций / А. А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2007. – №. 7. – С. 3-17.

27. **Лаптев, В. А.** Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества / В. А. Лаптев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – №. 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-po-obyazatelstvam-isklyuchennogo-iz-egryul-obschestva> (дата обращения: 12.12.2025).

28. **Могилевский, С. Д.** Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С.Д. Могилевский. – Москва : Статут, 2010. – 421 с. – ISBN 978-5-8354-0656-2, 2000 экз. - Текст : электронный. – URL : <https://znanium.com/catalog/product/237601> (дата обращения: 19.11.2025).

29. **Насибов, В. Б.** К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в рамках банкротного законодательства на примере общества с ограниченной ответственностью / В. Б. Насибов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 9(155). – С. 133-137. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschego-dolzhnika-litsa-v-ramkah-bankrotnogo-zakonodatelstva-na-primere/viewer> (дата обращения: 17.11.2025).

30. **Носенко, Д. С.** Правовые проблемы при проведении процедур банкротства общества с ограниченной ответственностью / Д. С. Носенко //

Вестник магистратуры. – 2022. – № 6-1(129). – С. 55-57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-pri-provedenii-protsedur-bankrotstva-obschestva-s-ogranichennoy-otvetstvennostyu> (дата обращения: 4.12.2025).

31. **Осокин, А. В.** Принцип ограниченной ответственности в контексте реализации ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве / А. В. Осокин // Сфера права. – 2022. – № 2. – С. 62-78.

32. **Папазян, Ю. К.** Права и обязанности арбитражного управляющего при проведении процедур банкротства юридического лица / Д. С. Папазян // Epomen. Global. – 2025. – №. 63. – С. 74-81. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-i-obyazannosti-arbitrazhnogo-upravlyayuschego-pri-provedenii-protsedur-bankrotstva-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 25.11.25).

33. **Петухов, С. В.** Субсидиарная ответственность контролирующих лиц как исключительный механизм защиты прав кредиторов / С. В. Петухов, Ю. В. Рачеева // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 5 (64). – С. 49-51. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-kak-isklyuchitelnyy-mehanizm-vosstanovleniya-narushennyh-prav-kreditorov> (дата обращения: 6.11.2025).

34. **Попондопуло, В. Ф.** Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве / В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина (Слепченко) // Судья. – 2018. – № 4. – С. 10-15.

35. **Рехтина, И. В.** Стандарт добросовестности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности / И. В. Рехтина // Хозяйство и право. – 2025. – № 10. – С. 9-25.

36. **Сиднев, А. Н.** Субсидиарная ответственность после ликвидации юридического лица / А. Н. Сиднев // Теория и практика современной науки. – 2018. – №. 10 (40). – С. 353-357. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-posle-likvidatsii-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 26.11.2025).

37. **Суханов, Е.А.** Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013-2017 гг. – М.: Статут, 2018. – С. 18-25.
38. **Тимофеев, И. А.** Доктрина прокалывания корпоративной вуали в США / И. А. Тимофеева // Вопросы российской юстиции. – 2019. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-prokalyvaniya-korporativnoy-vuali-v-ssha> (дата обращения: 01.12.2025).
39. **Царик, Д. А.** Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве / Д. А. Царик // Молодой ученый. – 2023. – № 6(453). – С. 201-204. – URL : <https://moluch.ru/archive/453/99849> (дата обращения: 8.11.2025).
40. **Чернышев, Р. А.** Новые подходы в судебной практике по субсидиарке в делах о банкротстве / Р. А. Чернышев // Арбитражная практика для юристов. – URL: <https://goo.su/zzl7xE> (Дата обращения: 01.12.2025).
41. **Шмырина, А. А.** К вопросу о привлечении участников общества с ограниченной ответственностью к ответственности за доведение его до банкротства / А. А. Шмырина // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: Сборник научных статей (ежегодник). – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 177-179. – URL : <https://elis.psu.ru/node/643560?fragment=page-178> (дата обращения: 2.12.2025).
42. **Шардаков, А. Е.** Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в гражданском праве Российской Федерации / А. Е. Шардаков // Хозяйство и право. – 2024. – № 12. – С. 98-112. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-dolzhnika-v-grazhdanskom-prave-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.12.2025).
43. **Шашкова, А. В.** Предпринимательское право : учебник для вузов / А. В. Шашкова. – Москва : Юрайт, 2021. – 247 с. – ISBN 978-5-534-01005-3.

44. **Яковлев А. Э.** Вопросы привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности / А. Э. Яковлев, К. В. Мышевская // Арбитражные споры. – 2022. – № 2 (98). – С. 17-31.

Правоприменительная практика

45. По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля: постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439423/ (дата обращения: 01.12.2025).
46. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2025. – №2.
47. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53. – URL: http://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-21122017_1/ (дата обращения: 01.12.2025).
48. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 августа 2025 г. № 302-ЭС24-490 (2, 3) по делу № А74-5486/2020. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).
49. Определение СКЭС ВС РФ № 307-ЭС24-18794 от 11.02.2025 по делу № А66-9932/2023. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

50. Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС24-24042 от 16.04.2025 по делу № А40-277055/2023. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).
51. Определение СКЭС ВС РФ № 307-ЭС24-22013 от 25.04.2025 по делу № А56-114578/2022. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).
52. Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС24-24568 от 30.05.2025 по делу № А40-55223/2023. – URL: <https://vsrfr.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 01.12.2025).
53. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2025 № 305-ЭС20-23090(5,6) по делу № А40-65516/2017. – URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).
54. Определение Верховного Суда РФ от 28.12.2020 № 309-ЭС20–10 487 по делу № А76–25 213/2015 . – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).
55. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2015 г. по делу № А21-337/2013. – URL: [//sudact.ru/vsrf/doc/gFdpXq9Iyzp/](https://sudact.ru/vsrf/doc/gFdpXq9Iyzp/) (дата обращения: 01.12.2025).
56. Определение от 14.08.2024 № 305-ЭС18-19945(20) по делу № А40-196703/2016. – URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).
57. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2025 г. по делу № А56-11260/2023. – URL: [//sudact.ru/vsrf/doc/KXS8mA2iWfgj/](https://sudact.ru/vsrf/doc/KXS8mA2iWfgj/) (дата обращения: 01.12.2025).
58. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809 по делу № А41-76337/2021. – URL: <https://goo.su/7Fc9ry> (дата обращения: 01.12.2025).
59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2024 № 303-ЭС24-372 по делу № А59-576/2022. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi->

- kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02072024-n-303-es24-372-po-delu-n-a59-5762022/ (дата обращения: 01.12.2025).
60. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2024 № 305-ЭС24-9873 по делу № А40-238905/2020. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410667976/> (дата обращения: 01.12.2025).
61. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2024 № 305-ЭС19-27802(6,7,8,9) по делу № А40-166456/2018. – URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).
62. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2022 № 305-ЭС21-25552 по делу № А40-41691/2019. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07042022-n-305-es21-25552-po-delu-n-a40-416912019/> (дата обращения: 01.12.2025).
63. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2025 № 305-ЭС20-23090(5,6) по делу № А40-65516/2017. – URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).
64. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035(2) по делу № А52-1553/2018. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=841777#gG51E8VEjLsSuVqx/> (дата обращения: 01.12.2025).
65. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2024 № 305-ЭС18-19945(20) по делу № А40-196703/2016. – URL: [//sudact.ru/vsrfr/doc/KXS8mA2iWfgj/](https://sudact.ru/vsrfr/doc/KXS8mA2iWfgj/) (дата обращения: 01.12.2025).
66. Определения ВС РФ от 19.04.2022 № 305-ЭС21-27211, от 30.09.2020 № 306-ЭС20-13650, от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439 и от 30.09.2019 № 305-

ЭС19-10079, от 02.07.2024 № 303-ЭС24-372 по делу № А59-576/2022. – URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).

67. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа (ФАС ДО) от 27 июня 2024 г. по делу № А51-5157/2023. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TCvVK1dEcNbV/> (Дата обращения: 01.12.2025).

68. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 марта 2024 г. по делу № А56-115623/2023. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kfeWlASK6CJx/> (дата обращения: 25.11.2025).

69. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 марта 2024 г. по делу № А56-115623/2023. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kfeWlASK6CJx/> (дата обращения: 01.12.2025).

70. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2025 № Ф03-2707/2025 по делу № А51-19490/2018. – URL: <https://goo.su/ABUr0e8> (Дата обращения: 01.12.2025).

36. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа (ФАС ДО) от 8 апреля 2019 г. по делу № А37-205/2015. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YO3ngHJzsFQC/> (Дата обращения: 19.11.2025).

37. Обзор позиций Верховного Суда РФ и других новостей в сфере субсидиарной ответственности в банкротстве за лето-осень 2024 года. – URL: <https://goo.su/v6xm1c> (дата обращения: 01.12.2025).

38. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «19» ноября 2025 года). – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/34902/> (Дата обращения: 01.12.2025).

39. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «25» апреля 2025 года). – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 01.12.2025).

Электронные ресурсы

40. **Андреев, В. К.** Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России [Электронный ресурс] : Курс лекций / В.К. Андреев. – Москва : РАП, 2012. – 276. – ISBN 978-5-93916-3378.– Текст:электронный.–URL:<https://znanium.com/catalog/product/517079> (дата обращения: 20.12.2025).
41. **Гриднева, О. В.** Органы управления общества с ограниченной ответственностью // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. №3. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-upravleniya-obschestva-s-ogranichennoy-otvetstvennostyu> (дата обращения: 20.11.2025).
42. **Лескова Ю.Г., Жукова Ю.Д., Павлова К.П.** Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №40. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-chlenov-organov-upravleniya-hozyaystvennyh-obschestv-tendentsii-razvitiya-rossiyskogo> (дата обращения: 19.11.2025).
43. Банкротства в России: 4 кв. 2024 и 2024 год. – URL: <https://fedresurs.ru/news/4353186e-a965-450c-9acf-8efd86cf6e39>(дата обращения: 01.12.2025).
44. Увеличены минимальные размеры задолженности для инициирования банкротства // Федеральная налоговая служба. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/news/activities_fts/14968144/?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 01.12.2025).
45. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024 // Федресурс. – URL: <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185> (дата обращения: 01.12.2025)
46. Субсидиарка номинальных руководителей: тенденции практики // Русбанкрот. – URL: <https://goo.su/1tNtwmL> (Дата обращения: 01.12.2025).

47. Субсидиарная ответственность: интересные примеры из практики за 2019-2020 годы. – URL: <https://goo.su/ZsueHb> (Дата обращения: 01.12.2025).

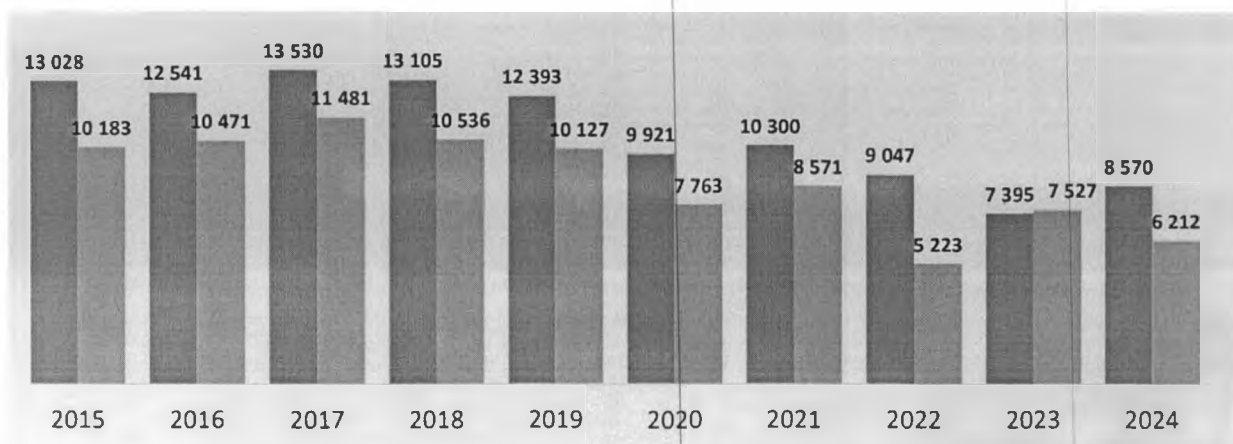
Монографии

48. **Курбатов, А. Я.** Предпринимательское право : проблемы теории и правоприменения : монография / А. Я. Курбатов. –Москва : Юстицинформ. 2022. 244с. – ISBN 978-5-7205-1846-2.

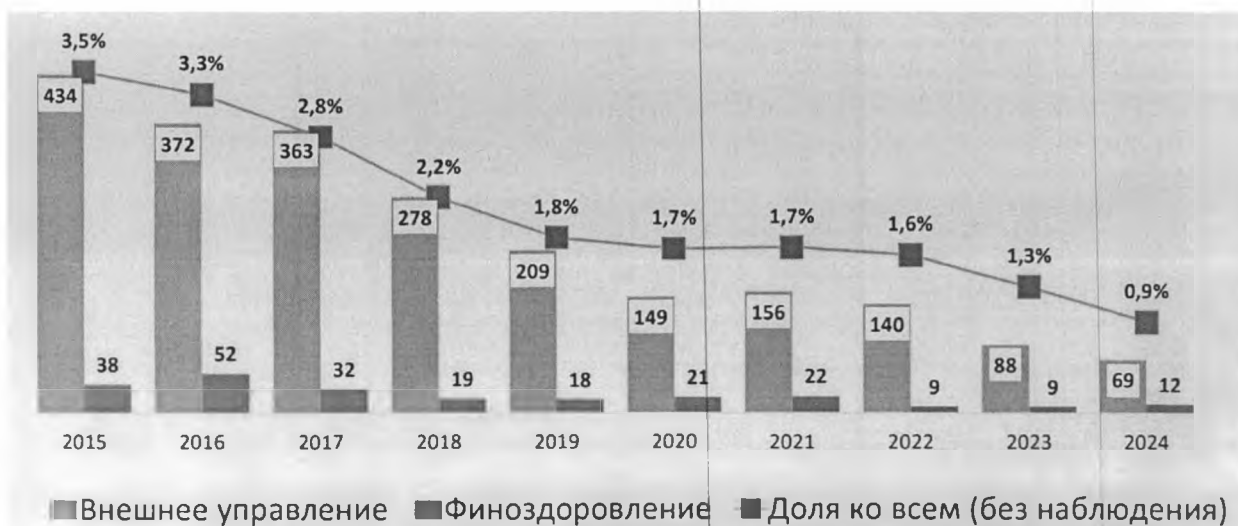
49. **Максуров, А.А.** Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ : монография / А. А. Максуров. – Москва : Юстицинформ, 2021. –176. – ISBN 978-5-7205-1701-4. – URL : <https://znanium.com/catalog/product/1859695> (дата обращения: 13.11.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Количество процедур: компании

Количество реабилитационных процедур: компании

Инициаторы дел о банкротстве компаний

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ 1

Возврат средств кредиторов: компании¹

Средняя длительность процедур в днях: компании²

¹ По данным из отчетов АУ. Не учитываются дела, в которых размер удовлетворенных требований превышает размер включенных требований. Сумма – соотношение общего объема удовлетворенных и включенных за период. Среднее – сумма процента удовлетворения в отчетах, деленная на количество отчетов.

² По данным из отчетов АУ. Не учитываются дела, в которых срок завершения дела указан ранее срока начала дела.